

САША СЕЛЯКОВ

SWEEK STARS

- Победитель Международного Литературного конкурса SWEEK STARS 2017
- Шорт-лист Германского Международного конкурса ЛУЧШАЯ КНИГА ГОДА 2018

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЦЕНА ПРОШЛОГО

18+

Саша Селяков

Цена прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22165777

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-96658-1

Аннотация

Опасный преступник и звездный студент – две жизни, два мира. Один попал в тюрьму за особо тяжкое преступление и ищет покой, думая, что возмездие свершилось. Но платить придется за всё... Другой ослеплен порочным блеском признания и уверен, что почивать на лаврах можно безнаказанно. Но расплата близка... Что связывает их? Узник совести и узник славы. Прошлое терпеливо. Но когда-нибудь оно заявит свою цену... Люди прощают, жизнь не прощает. #

– 1-ое место Международного Литературного конкурса SWEEK STARS 2017 #

– Шорт-лист Германского литературного конкурса ЛУЧШАЯ КНИГА ГОДА 2018#

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.	5
2.	61
3.	99
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Саша Селяков

Цена прошлого

#

1.

#####

– Ну что, Игнат, чай будешь?

Я молча кивнул и взял в руки протянутую мне пластмассовую кружку оранжевого цвета, стенки которой изнутри покрывал черно–коричневый налет. Это от чая. Его здесь пили так много и так часто, что он впитался в пластмассу. И они, то есть уже мы, соревновались в остроумии, выкидывая шутки типа: «Зато, когда все запасы кончатся, одним кипятком можно будет залить и чифирить». Пары глотков чая такой крепости, что меня передернуло и даже начало подташнивать, вполне хватило, и я передал кружку дальше. После того как она прошла пару кругов, и от выпитого напитка бледные лица покрылись румянцем, все закурили.

– Ну че, как? Да ты не морщись, это первую неделю так, а потом будет бодрить круче любого энергетика! Это я тебе как доктор говорю! – веселым голосом сказал молодой парень, сидевший по–турецки рядом со мной.

В голове гудело, и я чувствовал такую слабость, что мне хотелось только прилечь. В общем, бодростью это никак не назовешь.

Тюремная камера следственного изолятора представляла собой помещение примерно пять метров в длину и три в ши-

рину. По краям вдоль обшарпанных стен были приварены четыре двухъярусные кровати, по две с каждой стороны, а между ними находился железный стол, сваренный из старых кусков металла. На входе в камеру, в прихожей, если можно так выразиться, стояла наша обувь, а весь остальной пол застилала матрацы и одеяла. Чаепитие происходило на полу в дальнем конце камеры, где было небольшое свободное пространство – «пятак». Стол туда не доходил, и там могло уместиться несколько человек, на полу были разбросаны грязные подушки, а одеяла лежали, наверное, слоев в пять.

– По какой статье–то залетел? – спросил тот же веселый парень моих лет. Он был небольшого роста и, судя по лицу, имел среднеазиатские корни.

– Сто шестьдесят вторая, – сухо ответил я.

– А–а... гоп–стоп мы подошли из–за угла, – пропел он, несколько не удивившись. – А часть какая?

– Четвертая.

– Четвертая?! – вместе с вопросом изо рта вылетели клубы дыма, которыми он не успел затянуться. Его черные глаза расширились, и я почувствовал на себе взгляды всей камеры.

– Ну ты, пацан, попал! Кого хлопнули–то? – спросил мужчина лет пятидесяти с седыми волосами и, как мне почему–то тогда показалось, с детскими голубыми глазами. – Ну, ты готовься, пацан! На условку не соскочишь, лет восемь–девять строго минимум выхватишь. Сколько годков–то, двадцать, двадцать два?

– Девятнадцать... – пробормотал я. Его слова меня несколько не расстроили и не испугали.

Странное чувство. Сознание и воля находились в какой-то прострации, а я, не испытывая никаких эмоций, соглашался со всем и делал все, что мне говорили. Как будто мне показывают фильм с моим участием. Просто я еще не верил в то, что происходило со мной. Повисшую тишину нарушил звук открывающегося «робота», так здесь называли железную дверь в камеру.

– Вновь прибывший, к адвокату собирайся! – сказал появившийся в проеме охранник с лицом, не выражающим никаких эмоций. Я молча встал и начал обуваться.

Меня вели по длинным, холодным коридорам, напоминающим лабиринт: десятки поворотов, спусков, подъемов, этажи, лестницы... Металлические решетки, расставленные, наверное, через каждые десять метров, были заперты, и мы останавливались возле каждой, ожидая пока она не откроется, издав характерный лязгающий щелчок. Туда-сюда, переговариваясь по рации, шныряли охранники, кого-то вели навстречу, кого-то проводили вперед. В общем, от мелькающих лиц, пятнистой формы, решеток и бетонных стен я потерял всякий ориентир и, оставь меня там одного, я бы никогда не нашел выхода из этих катакомб.

Но одного меня никто, конечно, оставлять не собирался,

и спустя неопределенное время, в котором я тоже потерялся, меня посадили на неудобный стул перед сидящим за столом полным человеком в тонких очках, крутившим в руках дорогую авторучку.

– Добрый день! Меня зовут Алексей Александрович. Я буду представлять ваши интересы во время следствия и в ходе судебного разбирательства. Меня наняли ваши родители, – голос звучал четко и уверенно, а ручка, крутившаяся в его пальцах, не останавливалась ни на секунду. – Адвокат должен знать правду, поэтому соберитесь и расскажите, что у вас там произошло на самом деле.

Облик и поведение, как и его речь, внушали доверие и, глубоко вздохнув, я начал говорить. Я рассказал все с самого начала, стараясь вспомнить каждую мелочь и не упустить ни одной детали. Я пытался говорить бесстрастно и уверенно, но иногда голос меня подводил и предательски подрагивал. За время моего рассказа адвокат не произнес ни слова, он смотрел мне прямо в глаза, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Только ручка, лихо перекатываясь в его пальцах, остановилась на середине рассказа и замерла, неуклюже повиснув.

Когда я закончил, он, неопределенно кивнув и начал собирать разложенные на столе документы.

– Я посмотрю, что у них на вас есть. Ознакомлюсь со всеми материалами дела и выберу тактику защиты, – он встал.

– И... Что... Что вы думаете?

– Как говорится, ждать худшего, надеяться на лучшее. Будем работать.

Он ушел также быстро и незаметно как появился, мелькнули лица, и вот опять я оказался в уже знакомых катакомбах и, преодолев их, зашел в любезно открытую охранником камеру.

– О, Игнат вернулся! Давай проходи, мы как раз чифирок подварили, – встретили меня приветливые голоса сокамерников.

Начались мои первые дни в тюрьме. Мы смотрели телевизор, читали книги, разговаривали, пили чай, курили и много ели. Не самый плохой график. Причем количество выпитого и съеденного зависело не от жажды и голода, а от того, что нам просто нечего было делать. Организм требовал действия. Надо было чем-то себя занять. Постепенно я начал привыкать к окружающей обстановке и людям, так что со временем позволил себе немного расслабиться.

Камера, оказывается, была не такой уж и страшной. Кровати, как и пол, были застелены разноцветными одеялами, раковина была всегда чистой. Кстати, как и подушки, которые просто доживали свой век. Туалет задерживался аккуратной шторкой, ржавый железный стол был накрыт вполне домашней скатертью. На нем стоял телевизор, а в угол втиснулся битком набитый холодильник. В общем, уютненько.

Даже то, что в камере, предназначенной на восемь человек, нас было двенадцать, и кому-то приходилось спать по очереди, а то и вообще на полу, нисколько не портило картины.

Но полностью расслабляться было нельзя – в тюрьму я попал впервые и ясно отдавал себе отчет, что все, что я знал и слышал о здешних порядках, было лишь поверхностным знанием, «верхушками», как здесь это называли. Поэтому я смотрел. Смотрел и слушал. Я наблюдал за каждым – кто, что и как делает, как ест, как пьет, как ложится спать. Я слушал все, что говорят – любой разговор, разногласия, ссоры, приколы – ничего не проходило мимо моих ушей. Конечно, нельзя сказать, что я все понимал, но запоминал каждую мелочь и делал из нее вывод. Я выбрал несколько человек постарше, которых уважали, к чьему мнению прислушивались, и сосредоточил свое внимание на них. Я старался как можно меньше о чем-то спрашивать, да и вообще говорить, вдруг это будет неуместно. Я замечал, сопоставлял и анализировал. Мой мозг работал на полную катушку.

Каждый день нас выводили на часовую прогулку в маленький дворик с высокими стенами и решеткой вместо крыши. Небо в клеточку. Во время одной из таких прогулок ко мне подошел один из уважаемых в камере людей – Вова Домик, тот самый, седой, с детскими голубыми глазами. Так часто бывает: с виду божий одуванчик, прозвище нелепое, даже смешное, а пользуется авторитетом и занимает в этом обществе высокое положение.

– Дай прикурить, малой, – сказал он, и я протянул ему смятый коробок спичек. Прикурив, он махнул головой в сторону. – Пойдем потусуемся.

Я не совсем понимал, зачем это было нужно, но мы начали ходить с ним взад–вперед от стенки до стенки, то есть тусоваться. Прогулкой это было назвать, конечно, сложно: пять–семь шагов, разворот на сто восемьдесят градусов, пять–семь шагов. Некоторые ходили по двое и что–то обсуждали, кто–то просто стоял и дышал свежим зимним воздухом, которого так не доставало в камере.

– Это сейчас всего вдоволь: сигареты на выбор, чая море, хавка любая. Раньше с этим хуже было, спичку бритвочкой на четыре части делили. Рука бы не поднялась спичку зажечь, если рядом кто–то дымит. От сигареты прикуривали. Если вообще было что прикуривать.

– Какой раз сидишь? – спросил я, затянувшись.

– Четвертый, пацан, четвертый. Сначала малолетка, потом усиленный, это при союзе еще, а последний раз с общего освобожден не так давно. И вот опять заехал. Ну, это походу уже последний – здоровьишко не то, да и сроку впереди много маячит.

Снег хрустел под ногами, небо было чистым и радовало нас скупым ноябрьским солнцем.

– Тебе самому–то немало светит...

– Да там ничего серьезного, если разобраться, стечение обстоятельств.

– Ничего серьезного? Это особо тяжкая статья, вот и все обстоятельства.

– Но я несудимый, характеристику на суд положительную предоставят.

– Да положить им на твою характеристику! А то, что ты несудимый, это они исправят. Один по делу?

– Двое.

– Двое! – усмехнулся Домик. – Двое – это группа лиц, а у вас еще и часть четвертая. Предварительный стговор сделают, даже если его и не было, что вряд ли, а могут и организованную группу нарисовать, доказывай потом, что ты не Аль Капоне!

– Да почему... Эх, – разговор начинал меня нервировать, – мне наняли хорошего адвоката, он во всем разберется.

– Ну да, ну да, – иронично ответил он, – ты главное не гони, это со всеми бывает. Все поначалу верят, что их скоро освободят.

Я ничего не ответил, со злостью швырнув бычок в угол. Что толку ему объяснять – голове седой? Всю жизнь на зоне, откуда он что знает? По таким же как он судит. Меня–то не посадят. Меня–то должны оправдать.

Засунув начинающие мерзнуть руки в карманы, я погрузился в свои мысли. Мыслей было много, но они были какие–то нечеткие, мутные. Одна, только возникнув, уже сменялась другой. В голове была каша. Я не успевал за своими

мыслями.

– Шкаблили? – нарушил тишину Домик.

– А?

– Деньги на общак уделяли?

Вопрос застал меня врасплох. Сначала я хотел сказать «нет», но потом решил, что лучше молча помотать головой, вдруг я скажу что-то не то. Все это пронеслось у меня в голове за одну секунду, и в результате я ответил подергиванием головы и каким-то невнятным «ме».

– Ясно короче, – он слегка улыбнулся, – как бы там ни было, сидеть ты будешь в любом случае. Освободят тебя или нет, но до суда как-никак сидеть придется.

Я промолчал. Весь этот разговор, как и наша прогулка, меня уже достали. Ну что ему доказывать, упертый какой, думает, больше всех знает... Да и смысл... Еще и тусовка эта, ноги уже болят, уж точно бессмысленное занятие. Для чего ходить туда-обратно, когда можно просто постоять...

– Сейчас домой придем, я Руслану скажу, он тебе расскажет, где черное, где красное. Руся!

– Да, дядя Вова, – отозвался тот самый невысокий парень, который учил меня чифирить.

– Натаскаешь пацана.

Кивнув, Руслан поднялся с корточек, бросил под ноги бычок и расправил плечи.

Где-то за дверью зазвенели ключи.

– Прогулка окончена! На выход готовимся!

– Мать у меня русская, отец узбек, – рассказывал о себе Руслан.

Мы сидели на «пятак», облокотившись на подушки. Обед прошел и многие, разморенные свежим воздухом и плотной едой, легли спать, а остальные смотрели телевизор, по которому тихонько пели музыкальные клипы.

– Я вообще сам из Новокузнецка, в Новосибе так, по случаю. В Кузне «морковник» угнали и катались по районам. Кого–нибудь отработаем, на эти бабки заправимся, похаваем и дальше едем.

– А спали где?

– В машине и спали. Спали, ели, телок в гости водили. Ха! Так и тарахтели, пока к вам в город не заехали – приняли после первой же делюги. Короче, у нас тринадцать грабежей, это только доказанных, один угон! – с гордостью декламировал мне Руслан.

– Охренеть. Сколько же вам сроку светит?

– Много не дадут. Мы же без оружия, насилия не применяли. Так, если только маленько, – усмехнулся он, – лет пять–шесть, не больше.

Его голос был звонким, в глазах горели веселые искры, которые в самые захватывающие, на его взгляд, моменты разгорались ярким огнем. Худой, сутулый, невысокого роста, волосы коротко стрижены. Смуглая кожа в сочетании с пест-

рым спортивным костюмом и грязными белыми носками дополняли картину. На вид ему можно было дать лет пятнадцать.

– Ты про жизнь воровскую че–нить знаешь? С братвой общался?

– Основное–то, конечно, знаю, слышал. Много рассказывали, – уверенно ответил я.

– Рассказать по-всякому могут. Ты черный? – увидев мой растерянный взгляд, он продолжил, – вот видишь. А это основное и есть. Черные – это порядочные арестанты, которые придерживаются воровских понятий, традиций и живут по–людски. Людское – это воровское. У черных три масти: мужик, бродяга, вор. Кстати, это черная хата, если че, здесь одни мужики. А красные – это козлы, суки, те, кто работает на мусоров, короче вся чесотка. Мужик тоже может там оказаться, если начудит то, что неприемлемо порядочному: в карты, например, не рассчитается или обманет ближнего, да много за че можно перекраситься. – Руслан начал тихо, но чем больше он говорил, тем ярче загорались его глаза, а голос становился более громким и решительным. – Еще есть обиженные. Ну или петухи. Опущенные пи***ы...

– Ты че разорался!? Тише будь! И не дыми в мою сторону! Бл*, только задремал, – прервал речь Руслана грубый басистый голос.

Тот сразу же осекся и, скорчив недовольную мину, задушил сигарету. Голос принадлежал лежащему на нижней

угловой шконке. Это был абсолютно лысый, по-спортивно-мускулистый человек лет тридцати, один из тех, кого я причислял к уважаемым и авторитетным. Он несколько секунд смотрел мне в глаза, а потом, накрывшись верблюжьим одеялом, молча повернулся лицом к стене.

– Витя Большой, – голосом близким к шепоту произнес Руслан, – смотрящий за хатой. Есть еще смотрящий за этажом, за корпусом, за игрой и смотрящий за тюрьмой, положенец. Каждый порядочный должен знать их по именам.

Руся продолжил, а я откинулся на подушку, поправив под собой скомканное одеяло. Не знаю, какие процессы активизировались в моей голове, видимо те, которые не задействованы в обычном состоянии, а включаются только в экстремальных ситуациях. Голова была ясная, и я запоминал все, каждое слово. Слова выстраивались в логические цепочки, которые, скрываясь друг с другом, образовывали передо мной четкую картину. Однако некоторых звеньев не доставало.

– А кто такие бродяги? Как понять, смотрящий за игрой? Красные что, отдельно сидят?

– Есть красные хаты, они там и сидят. О, смотри Виа Гра! Новый клип!

Я посмотрел на экран. Темное небо, острые скалы, красивые женские тела в облегающих прозрачных платьях. Опять новая солистка. Светленькую заменили. Старая и двух месяцев не продержалась, в одном клипе всего снялась... Блин,

откуда я это знаю.

– Руся, а ты чем до всего этого на свободе занимался? Учился, работал?

– Мать запила, как отца посадили, – не отрываясь от экрана, сказал он, – в школу ходить я перестал, так... подрабатывал, где придется.

– Что делал-то?

– Дьячком в церкви служил.

Как быстро человек привыкает к новой обстановке и незнакомым ему обстоятельствам? Ответ простой – очень быстро. И все обстоятельства вторичны.

Две недели пролетели как один день. Я уже понимал, о чем говорят друг с другом мои сокамерники, начал понимать местный специфический юмор и после очередной пошло-черной шутки делал вид, что мне тоже смешно. От чая меня больше не тошнило, выручали конфеты, которых здесь было вдоволь – сахар перебивал вкус горечи. Начал курить крепкие сигареты. Легкие здесь никто не курил, и когда мои заканчивались, приходилось угощаться такими. Горло давило, я кашлял, но отказаться от этой привычки не мог. Да и не хотел.

За эти дни успел более-менее приспособиться к окружающим, запомнил все имена, прозвища и погоняла, кто за что сидит, и кто чем занимался там, на свободе. Контингент

здесь был разный: таджики–наркоторговцы, которые в один голос кричали: «Мы не барыги, нам подкинули!», простые мужики, по пьяни, случайно или нет, убившие кого–то, ребята немного моложе меня, грабившие ради дозы героина или куража, как Руся. Был и настоящий криминальный элемент, закоренелые преступники: бандиты, крадуны – точно определить их расположение в воровской иерархии я еще не мог. Таких, по моим наблюдениям, в камере было двое: Вова Домик и Витя Большой. Если с первым мы быстро нашли общий язык, и я даже пробовал шутить, то с Большим мне познакомиться не удавалось. Не сказать, что он избегал моего общения, или я боялся подойти к нему, но вот как–то не складывалось – то ситуация не позволяла, то настроение не располагало.

На выходных родители привезли мне передачу, большой тридцатикилограммовый мешок. В нем было все: новое постельное белье, мягкие полотенца, необходимая одежда, зубная щетка, паста, кружка, чашка, ложка, разные консервы, колбасы, сыры, сладости и самое главное – сигареты и чай. Мы сразу накрыли на стол. Заварили литровую кружку чая, в глубокую тарелку насыпали слоеное печенье, конфеты и мягкие земляничные пряники. Когда чай заварился, мы встали вокруг стола и начали разливать его по кружкам.

– Дай Бог здоровья родным и близким, спасибо, что нас не забывают! – сказал Домик и, сделав глоток чая, потянулся за пряником. Лишь после этого все накинудись на сладости: не

успевая прожевывать, набивали рот печеньем, другой рукой пытаясь развернуть конфету. Я старался не отставать, а когда тарелка опустела, и весь чай был выпит, мы закурили.

– Легкие что ли? – воскликнул Руся и оторвал половину фильтра.

Я чиркнул спичкой, прикурил, и как будто затянулся воздухом, дыма я не ощутил. Уже привык, так быстро. Я мысленно усмехнулся и начал отрывать фильтр.

Можно ли убежать от прошлого? Забыть все и начать жизнь с чистого листа? Очень сомневаюсь. Прошрое терпеливо. В самые неожиданные моменты оно будет пронзать твою память острыми воспоминаниями, а на чистом листе твоей, как ты думаешь, новой жизни будут появляться грязные кляксы, которые ты ничем не сможешь смыть.

Дни пролетали незаметно. Кого–то возили на следственные действия, кто–то уже начал судиться и после недолгого отсутствия привозил с собой либо кучу радостных эмоций и большие надежды, либо сдержанное отчаяние и смиренный потухший взгляд. Девять с половиной лет строгого режима получил Алиджон – таджик с кривым подбородком, впалыми щеками и всегда невымытыми волосами. Он громко ругался на смеси таджикского и русского со своим земляком, а то и с самим собой. Судя по обрывкам фраз, которые я смог понять, он винил во всем своего поделельника, который нагово-

рил на суде много лишнего. В тот день, когда его заказали на лагерь, и он в ожидании сидел на клетчатой китайской сумке, куря одну за одной, «робот» открылся, и в камеру завели новенького. Это был среднего роста темноволосый человек с глубоким взглядом. По возрасту ему можно было дать как и в районе тридцати, так и за сорок.

– Здорово были.

– Здорово, здорово, – отвечала на приветствие камера.

– Хата черная?

– Черная. А ты...

– Я Славка Рубль, мужик по жизни, – представился он и присел на предложенную ему шконку. – Кто за общим ходом в ответе?

– Я, – ответил смотрящий, и они пожали друг другу руки, – Витя Большой.

Знакомство продолжилось в легкой беседе. Рублю оказывается было уже сорок девять, он не первый раз попал за решетку и со многими у него нашлось немало общих знакомых по предыдущим срокам, лагерям и пересылкам. Руся в это время писал «курсовку» – бумагу, содержащую все данные арестанта: фамилию, имя, погоняло, дату рождения, откуда родом, предыдущие ходки... По тюремной традиции ее потом будут передавать из камеры в камеру.

– Хорошо у вас, – сказал Рубль, оглядывая камеру. – Простый раз я заехал, там на шесть шконок тридцать человек было, пернуть некуда, а сейчас нормально, всего тут... О!

Костыль! Васек, и ты здесь?...

Проследив за его взглядом, я увидел, что он обращается к Васе Белому, который сидел на нижней угловой шконке напротив смотрящего. Только вот почему Костыль? Все звали его Белым. Хоть он и был тихим и неразговорчивым, Руся рассказывал, что это его третья или четвертая ходка, и уважением он пользовался немалым.

На наших лицах застыло удивленное выражение, мы переводили взгляд с одного на другого, ожидая, что будет дальше. Вася молчал, опустив глаза, а сигарета в его руке тихонько подрагивала. Он сразу стал каким-то потерянным.

– Ты чего, не узнал меня? – продолжил Рубль. – Две тысячи третий год, мы с тобой в одном отряде были на четверке...

– Погоди, Славян, тут разобраться надо, – вмешался Большой. – Почему ты называешь его Костыль? У него Белый погоняло, да ведь Вася?

Но он ничего не ответил. Зажатая в руке сигарета медленно тлела, и пепел падал на одеяло.

– Та-ак... Кажется, я начинаю понимать. На четверке в одном отряде, говоришь, были, Костыль его погоняло?

– Да, – коротко ответил Рубль.

– А нам почему сказал, что Белый? – Большой перевел взгляд на Васю. – Давай, короче, не темни. Говори, как есть. Тебе же лучше будет. Ты ведь знаешь, правду узнать не проблема, стоит только по тюрьме шумануть. Ну?

Вася вздрогнул и резко отдернул руку – это сигарета, ис-

тлев до фильтра, начала обжигать ему пальцы. Бросив ее в пепельницу, он глубоко вздохнул и начал ровным спокойным голосом, так и не подняв глаз:

– Прошлым сроком я был на четверке, сидел всю дорогу ровно, без косяков. И тут... Ты Славян не знаешь, ты на тот момент уже освободился, остается мне неделя до звонка, и че на меня вдруг нашло, сам не знаю, весь срок не играл, а тут смотрю – катран сидит играет на конец месяца... Ну, я и присел. Пять тыщ проиграл, взял у них адрес, говорю, как выйду, сразу бабки завезу. Освободился, домой приехал, тут мать старая... Ну, где мне деньги взять? У нее с пенсии что ли?...

– Играть тебя никто не заставлял.

В камере повисла гробовая тишина, все смотрели на Васю, который дрожащими руками пытался вытащить из пачки очередную сигарету.

– Неужели ты думал, что никогда больше не сядешь? Да была бы сумма побольше, тебя бы и на свободе нашли, – железным голосом нарушил молчание Домик, в голубых глазах которого от прежней наивности не осталось и следа. – А сейчас ты себе новое погоняло придумал и решил весь срок просухариться?

– Не стал бы врать, сказал бы правду изначально – жил бы в общей массе. Пусть проигранным, на равных с мужиками не базарил бы, но зато не в чесотке, – сказал Большой и поднялся со шконки. – Встань. С тебя будет получено.

Костыль побледнел и, выронив пачку, медленно встал напротив смотрящего.

– О, смотри, в натуре белым стал. С тебя будет получено за обман людей. Ты фуфломет, – Большой ударил его сбоку по щеке несильно, так, что раздался легкий шлепок, но этого хватило, чтобы ноги у Костыля подкосились, и он завалился набок. – А теперь ломись.

Дважды повторять не пришлось. Костыль подскочил и бегом рванул к выходу, на ходу сбив сидящего на сумке Алиджона. Тот хлопал вытаращенными глазами и, казалось, вообще не понимал, что происходит. Костыль тем временем уже колотил в «робот», крича:

– Командир, выводи!

Через минуту дверь открылась и охранник, пропустив выбегающего Костыля, с суровым лицом оглядел камеру. Мы сидели молча и спокойно смотрели на него. Надменно хмыкнув, он защелкнул замок.

Славка Рубль лег на освободившееся место, а Руся, по просьбе Большого, стал писать «курсовку», в которой была вся всплывшая сегодня правда об арестанте Васе Белом. Эмоции улеглись, чай потек рекой, дым вновь стоял столбом – в общем, все пошло своим чередом. Старые арестанты обсуждали былое, оставшийся без земляка таджик скучал, ковыряясь ложкой в тарелке, а Руслан показывал мне, как правильно составлять воровские бумаги, и продолжал посвящать меня в воровскую жизнь.

Вечером я уставший, с квадратной от информации головой, лежал на «пятак», откинувшись на подушку, и смотрел телевизор, по которому снова показывали музыкальные клипы. И тут меня как будто оглушило. Я услышал знакомые до боли аккорды и голос, поднимающий с глубин души закрытые на замок чувства. По телевизору звучала та песня: «Я помню белые обои, черную посуду...». От нахлынувших воспоминаний закружилась голова, и внутри все сжалось.

Когда с утра, открыв глаза, ты не можешь проснуться, вялость связывает все тело, то понимаешь – ты не захочешь, да и не сможешь сделать ничего, абсолютно ни-че-го, пока не чифирнешь. Пока горячий, вязкий чай такой крепости, что сводит зубы, не дойдет до твоего желудка и не разольется энергией по всему телу. После этого можно спокойно выкурить сигарету и пойти умываться. Как хорошо, оказывается, может быть после двух–трех глотков горячего крепкого чая!

С живым азартом я познавал тюремные традиции. Все было ново, необычно, как будто я попал в другой мир: незнакомые люди, незнакомые ситуации, порядки, правила. Я вполне осознавал всю серьезность происходящего, но относился к этому, скорее, как к интересному приключению, ведь знал, что меня скоро освободят.

Рубль оказался очень веселым и душевным человеком. Он не мог усидеть на одном месте – то рассказывал кому–то ста-

рые тюремные байки и громко хохотал, то искал партнера для игры в нарды, сетуя, что хата неигровая и покатать ему не с кем. В общем, в нашей маленькой камере его было чересчур много. И это в сорок девять лет.

– Игнат, давай с тобой в нардишки сыграем, умеешь?

– Нет. Ну так, играл пару раз на свободе, правда, не помню ничего.

– Там все просто, садись научу! – Рубль хлопнул в ладоши и в предвкушении потер руки.

Игра действительно оказалась несложной, и уже после трех партий я запомнил все правила. Конечно, с Рублем мне тягаться было рано, но кое-что я уже соображал и мог ориентироваться на доске. Игра дарила азарт, новые эмоции, но что самое главное – помогала убить время. Я мог часами кидать кубики и забывал о насущных проблемах. Рубль был из той породы людей, которые располагают к себе. С ним хотелось общаться, а любая, даже несмешная, произнесенная им шутка, заставляла хохотать даже самого серьезного собеседника. Позитивная энергия была ключом как у молодого.

– Неплохо, неплохо, – почесав голову, сказал он, – твоя партия, мне здесь уже не успеть. Быстро учишься.

– А то, – сказал я и лихо кинул закрученные кубики, которые, прокатившись по доске, остановились на цифре пять. – Пятый куш. Победа.

– Молодец. Сможешь, если захочешь. Но я бы на твоём месте не хотел. Игра до добра не доведет.

– Да ладно. А что такого? Сидим, играем, время летит, – я уже расставлял фишки для новой партии.

– Это сейчас мы сидим с тобой и играем без интереса, а пройдет время и тебе начнет казаться, что ты уже научился. Что ты на что–то способен. И вот тогда кто–нибудь, увидев твой тупой гордый взгляд и эти дешевые понты с крученными зарамы, предложит тебе сыграть с ним на сигаретку. Всего–навсего на одну сигаретку. Отказать этому, как тебе покажется, лоху ты не сможешь – гордость не позволит, да и как – пацаны ведь не поймут. Ты согласишься и когда, выиграв пару сигарет, будешь чувствовать себя каталой всесоюзного масштаба, этот лох вдруг начнет побеждать и обыграет тебя за все сырое и вареное. А может он и сразу начнет тебя глушить – по ситуации. Вот и все. Да есть сотни вариантов и схем развода, это самый простой. Психологи тут поматерей университетских. Игнат, держись от всего этого подальше, пока не подрастешь и не поумнеешь. А на меня не смотри, я здесь вырос, это мой хлеб. Подай спички.

Рубль прикурил и долго смотрел мне в глаза. Отвести взгляд почему–то было сложно, и я смотрел как медленно тает сигарета, заволакивая дымом его и без того глубокий туманный взор. Наконец он сказал:

– Но запомни одно, что–то мне подсказывает, что ты все равно запилишь туда свой пятак, карточный долг – дело чести для порядочного арестанта. Это то же самое, что дать слово. Порядочный делает то, что он обещал или говорил,

неважно. Для мужика говорить и обещать – это одно и то же. Иначе в чем его порядочность? Поэтому, если ты проиграл – будь добр рассчитаться. И рассчитаться вовремя, не позднее того числа, какое вы оговорили, ни минутой позже. И лишь после того, как тебе пожмут руку и скажут «в расчете», можешь спать спокойно.

В висках пульсировали вены. Я был внимателен и напряжен, запоминал каждое слово, вникал в каждую букву. Я делал это с полной самоотдачей, так что забыть, перепутать и усомниться в этом было уже невозможно.

– Да ты не грузись. Главное – делай все с умом, не теряй голову. Пацан ты неглупый, все у тебя будет ровно, – Рубль улыбнулся и пододвинул мне кубики, – ходи. Предыдущую партию выиграл ты, тебе и начинать. А знаешь на что мы на малолетке играли?

– Даже не представляю.

– Нос – кольцо – поджог. Знаешь, как это? Проигравший отрывает длинный, узкий кусочек бумажки, потом один конец загибает буквой «Г», другой слюнявит и приклеивает себе на нос. Играем дальше. Когда он проигрывает во второй раз, он отрывает еще один кусок бумаги, слюнявит оба конца, склеивает их так, чтобы получилось кольцо и одевает его на свой приклеенный нос. И вот финал – он проигрывает в третий раз, берет спички и поджигает всю эту херню! Прикинь! – он громко рассмеялся. – Сколько ресниц и бровей я себе спалил! Ох... ты бы это видел...

В тот вечер он рассказал еще не одну историю, закрепляя каждую заразительным хохотом. Я смеялся до слез и так, за игрой и общением, не заметил, как наступила ночь. В камере все было также, каждый занимался своими делами, то есть не занимались ничем, только Руся как-то странно на нас поглядывал. Или мне показалось?

День, ночь... я не заметил, как прошел месяц. Я бы и не обратил на это внимание, если бы не мой день рождения. В этот день я получил очередную передачу, в которой было много всего вкусного, неизменные сигареты и чай, теплые вещи и небольшая поздравительная открытка. Мама и папа желали мне здоровья, терпения. Писали, что они всегда со мной и верят, что я справлюсь.

Аккуратно нарезав бисквитный рулет, я разложил по тарелкам вафли, печенье, шоколадные конфеты и заварил литр чая. Вообще, для меня были в новинку подобные церемонии, но душа хотела праздника, поэтому я смел все крошки со стола и насколько это было возможно оттер желтую скатерть.

– Мужики, у меня сегодня день рождения, давайте чаю попьем.

– О–о–о! Поздравляю! Че правда седня?... Игнат, с днем рождения! – все начали подтягиваться к столу, каждый пожимал мне руку или хлопал по плечу.

Я благодарил всех за поздравления, и после пожелания здоровья, фарта, скорейшего освобождения, жены с золотыми зубами и прочих арестантских радостей мы приступили к чаепитию.

– Бе... А че крепкий–то такой? – скривившись, спросил Большой.

– Да нормальный, – отхлебнув, ответил я.

– Ха, да ты походу подсел уже на него, – жуя кусок рулета, покачал головой Домик.

– Все нормально, чего пристали к пацану? Вот сейчас зубы почернеют, кожа пожелтеет и станет настоящим чиферастом! – подхватил Рубль, и вся хата дружно расхохоталась.

Увидев мое замешательство, он сказал:

– Да не гони ты, прикалываемся же. Я вот еще с малолетки чифераст!

Новый взрыв смеха, еще громче предыдущего, раскатился по камере, и я уже смеялся вместе с ними.

– Сколько исполнилось?

– Двадцать.

– Серьезный возраст, третий десяток пошел. Самая жизнь начинается, золотые годы, – Домик уже сидел у себя на шконке, которая находилась прямо возле стола, и держался за правый бок.

Я хотел что–то сказать, но меня оборвал громкий железный стук. Это охранник долбил по ней ключом и после понятного ему одному ритма, прокричал сквозь дверь:

– На прогулку идем?!

– Да, да, старшой! Идем, идем, – все начали быстро одеваться и шнуровать ботинки.

– Идите, я не пойду, – сказал Домик и лег под одеяло, повернувшись лицом к стене.

Путь до прогулочного дворика пролегал через уже знакомые мне коридоры–катакомбы. Охранники или дубаки, как их здесь называли, стояли на каждом повороте и каждой лестнице. Попадались среди них и женщины – дубачки, соответственно, каждую из которых я провожал долгим, пристальным взглядом. Еще бы! Целый месяц с одними мужиками! В страшном сне не представишь.

Стоявшая на углу дубачка ничем особо не отличалась от предыдущих: военный защитный камуфляж, бесстрастный взгляд, длинные, собранные на затылке светлые волосы, походу обесцвеченные, блестящая заколка в форме ящерицы... Что?... Не может... Так, стоп! Не может быть! Глазам не верю... Это же Юля! Что она тут делает? Как это вообще... Мы на секунду встретились с ней взглядом, но нас быстро провели вперед. Может, я просто ошибся, может, это не она. Да нет, я еще не настолько отстал от жизни, чтобы забывать знакомые лица! Интересно, а узнала ли она меня...

Нас уже завели в прогулочный бокс, а я все не мог справиться со своими мыслями. Я тусовался вдоль стенки, игнорируя все попытки со мной заговорить.

– Погнал, наверное... День рождения в тюрьме не празд-

ник... Да еще и первый... Двадцатилетие в тюрьме, да... – доносилось откуда-то. Все было как в тумане и голоса звучали эхом где-то вдалеке.

Звук открывающегося замка вернул меня к реальности. Дверь открыл дубак, и из глубины коридора я услышал ее голос. Она звала меня. Я шагнул за дверь. Она стояла там и смотрела на меня. Охранник тем временем закрыл дверь, отдал ключи Юле и ушел, оставив нас одних. Ее лицо было серьезным и сдержанным.

– Давно ты здесь?

– Уже месяц.

Снег валил крупными хлопьями, он падал ровно и медленно. Казалось, стояла абсолютная тишина.

– И за что?

– Да там... Степу помнишь? Он тоже здесь... А ты-то как сюда попала? Давно работаешь?

– Уже год почти.

– Ого. Я и не знал.

Она вздохнула и отвела глаза. Мне вдруг захотелось ее обнять, прижать к себе. Но я не знал, можно ли? Вдруг это как-то ей навредит, вдруг ее за это уволят. Да и вообще... Я не могу. Мы сейчас не в том положении. Я сижу, она меня охраняет. Как быстро меняется восприятие. Она как будто из другого мира. Нас уже разделяла невидимая стена.

– Мне пора. Долго нельзя.

Я кивнул и отошел в сторону, чтобы она смогла открыть

дверь. Зайдя в бокс, я оглянулся:

– У меня сегодня день рождения.

Она молчала очень долгую секунду.

– Поздравляю.

Дверь захлопнулась. Меня встретили восторженные взгляды и возгласы сокамерников:

– Подруга твоя? Повезло! Красивая! Вот тебе и подарочек сразу! Целовались? А че?... Ты ее хоть потрогал?... Пф, надо было ее в пустой боксик завести... Эх, молодежь, всему учить надо...

Я невольно улыбнулся, прикурил сигарету и посмотрел на небо. Снег падал на мое лицо. Легкая грусть быстро сменилась знакомым чувством приятного тщеславия.

Двадцать лет – круглая дата. По всем общественным параметрам я стал уже взрослым человеком. Но все было точно так же, как и вчера. Я не ощущал этого, я не чувствовал ничего подобного. Какая разница сколько человеку лет? Возраст – это стереотип современного общества. Даже разница в несколько лет, не говоря уже о десяти–двадцатилетнем различии, заставляет нас менять свое отношение, корректировать сделанные выводы и автоматически ставить себя ниже или же выше этого человека. Это далеко не всегда оправдано.

Рубль и Домик играли в нарды, сидя на одной шконке на-

против друг друга. Я же, пождав ноги, сидел на пятаке так, чтобы игровая доска была прямо перед моими глазами.

– Ну, Костыль! Ну, дает! Надо же было так! – переставляя фишки, восклицал Рубль. – Ведь был же нормальный мужик, сколько играл, всегда рассчитывался, а тут – на тебе! Такое выкинуть! Как так – не понимаю!

– Гондон он, а не Костыль. Думал, освободился – все можно. Пацанов кинуть захотел. Думал, не попадет сюда больше. Нет, жизнь таких не прощает. Нас здесь он сколько времени обманывал. Белый. Надо же было придумать. Еще и мамой прикрывался – больная, старая, где я деньги возьму... Тьфу ты, нахер! – выругался Домик.

– И что с ним дальше будет? – спросил я.

– К своим поедет счастья искать. В красную хату, где такая же чесотка, как и он. В лагерь приедет, там тоже с ними жить будет. Все, он теперь красный, то есть непорядочный. Да он и был им всегда, просто обстоятельства так складывались, что ему удавалось жить под маской порядочного. Он может и сам считать себя таким. Но суть свою не скроешь. Рано или поздно маска слетит и покажется истинное лицо. Гондон он, короче.

Когда Домик договорил, Рубль расхохотался, оценив его красноречие:

– Что правда, то правда, ха! Лучше и не скажешь.

– Мужики, чай будете? Заварился уже, – предложил я.

Рубль опять закатился в новом приступе хохота:

– А–ха–ха! Не, ну ты посмотри на него – в натуре чифераст!

Увидев мой серьезный взгляд, он рассмеялся еще больше, одной рукой похлопав меня по плечу.

– Больше не называй меня так, – дернув плечом, я скинул его руку.

– Да ладно, пацан, мы же прикалываемся. Ничего обидного я тебе не сказал. На серьезе будем – вообще от скуки помрем! – продолжал улыбаться Рубль.

– Со мной...

– Нет, Славян, правда, – перебил меня Домик, – приколы разными могут быть. Это твое «чифераст» в натуре слух режет. Одно дело, мы с тобой два пердуна прикалываемся друг с другом – нас хоть как назови, все равно ничего не приклеится. А ты себя молодым вспомни! Мне бы тогда такое сказали, я бы уже по пояс в крови стоял.

– Базара нет. Прав ты, согласен, – улыбка с его лица исчезла, – забыли. Игнат, ты главное не огорчайся, зла не держи, ничего личного. Ну давай, неси чего ты там наварил, хапанем твоего яду!

Мы еще долго сидели так: пили чай, играли в нарды, только уже «на победителя», то есть проигравший встает и уступает место следующему. Рубль веселил нас своими историями, я от души смеялся, а Домик вздыхал и качал головой.

– Ха! Что я тут вспомнил! Наш белый Костыль ему в подметки не годится. Сейчас расскажу, – сев поудобнее, он за-

чем–то закатал рукава и потерял свои узкие ладони. – Я тогда был на больничке в тубе, с чахоткой лежал. Она областная, туда привозят больных со всех лагерей нашей области. Встречи со старыми приятелями, подельниками, которые сидят на разных зонах, знакомство с новыми людьми, общение день и ночь. Хорошо там, хоть и больничка. В общем, сидим мы в палате, народу собралось много: в углу катран играет, кто разговаривает, кто кушает. Мы со старичками с краю чифирим в уголочке – одну кружку на пятерых по кругу гоняем. Все курят, дым столбом, хоть и дверь нараспашку. Тут смотрю – по коридору какой–то дядька тусуется и каждый раз, проходя мимо, как–то странно на нас поглядывает и брови хмурит. Ну, я особо внимания не обращаю – мало ли что, думаю, тубазита обожрался, ходит гусей гоняет. Мы уже заварили второй литряк, обстановка располагает, компания душевная, хорошо сидим. Тут вдруг этот дядька останавливается, пучит глаза, вскидывает брови и быстрым шагом идет к нам, – Рубль ловко достал сигарету из пачки и продолжил:

– *Кружку поставь.*

– *Не понял.*

– *Сейчас поймешь. Кружку поставь.*

Что–то в его взгляде подсказывало мне, что он не шутит. Кружку поставили на стол, и мы молча уставились на него.

– *Ты чего тут делаешь? Он давно здесь?* – наш гость кив-

нул на худого долговязого мужика лет так пятидесяти, который сидел с нами за столом. Ему ответили, что месяц, может и больше, точно никто не помнит.

– В чем дело–то?

– Да это же п***р! Полгода назад с моего лагеря освобо-
дился! Этот петух полы у нас в бараке мыл. Недолго же
ты на свободе пробыл. Чего вы на меня так смотрите? Да
он это, я ему еще перед освобождением за щеку давал, не
спутаешь!

Повисла гробовая тишина. Мы сидели, не двигались, и ни-
кто даже не дышал. И вдруг этот п***р вскакивает, сшибает
стул и подпрыгивает в сторону выхода. Я не заметил, с какой
стороны в него прилетела табуретка, он запнулся и получил
железным литряком по голове. Раздался звон, нифиля до по-
толка, он уже по полу ползет в сторону выхода, все подско-
чили – начали пинать... Короче, как он до выхода добрался,
я не знаю, живучий, падла. Вслед полетели его вещи, матрац,
одежда и запомоенная кружка.

– Я одного не могу понять, – сказал Домик, когда история
закончилась, – на что они надеются? Что их никто не узнает?
Ну, это же бред! Узнают, вопрос времени.

– Ты, Игнат, не думай, что такое здесь сплошь и рядом.
Да, бывает, попадают кадры, но это редкость. А то смотрю,
ты на меня уже косо поглядывать стал! – улыбнулся Рубль.

– Ничего я не стал, – улыбнулся я в ответ. – А как понять,

запомоенный литряк?

– У обиженных своя посуда. Порядочный с их кружки или чашки есть, пить не может. Вернее, может, но тогда он сам уже станет обиженным.

– И что, все, кто с ним тогда чифирил из одной кружки стали петухами?

– Нет. Мы же не знали, кто он на самом деле. Вот если б знали, но все равно чифирили, то тогда да. А так – по незнанию не канает.

Логическая цепочка правил и устоев этого мира продолжала выстраиваться, и я, откинувшись на подушку, прилег на пятак, собираясь закрепить и осмыслить услышанное. Во рту стояла горечь, и я полез в карман за конфетой.

Раньше я не обращал на это внимания. Из-за того, что я его просто мало смотрел, или мой разум считал это нормальным, или так и должно быть в жизни – не знаю, в чем была причина. Большая часть, даже подавляющая часть программ российского телевидения посвящена работникам наших силовых структур. Полиция, прокуратура, расследования, происшествия, суды, опера, следки. В любой удобной для вас форме – передачи, сериалы, фильмы, ток-шоу, новости. И безусловно, это герои положительные. Даже если в этих честных и отважных рядах появляется какой-то продажный мент, то непременно грядет разоблачение и воздая-

ние по его заслугам. И кто же это делает? Правильно – честный и отважный мент. Такое ощущение, что живешь в полицейском государстве. А может так оно и есть?

– Руся, мы это кино на той неделе смотрели, ты что не помнишь? – раздраженно проговорил я.

Мы только что вернулись с прогулки, и вся хата завалилась спать, только мы с Русланом сидели на пятаке и смотрели телевизор.

– Да там другого нет ниче! Или ты хочешь менты–семь смотреть? Че мало ментов тебе? Менты посадили, менты охраняют, давай еще сериалы про них смотреть начнем! Не чуди, – недовольно ответил он.

Последнее время Руслан был недоволен всем. Со мной так вообще перестал разговаривать.

– Давай музыкальный канал тогда включим – клипы посмотрим.

– Там гомики одни. Был бы шансон – другое дело. Миша Круг, Андрюха Наговицын...

– Какой еще Андрюха Наговицын? Его Сергей звали.

– Почему звали? Ты че живого человека поминаешь?

– Сергей Наговицын умер. Кровоизлияние в мозг. Давно уже.

– Да знаю я! Че ты мне рассказываешь?

– Я все его песни знаю. С пацанами постоянно слушали.

– Ну, капец, ты все знаешь! – язвительно ответил он.

– Так что, переключаем, нет? Фильм беспонтовый, в тот

раз, когда смотрели, ты сам это говорил. Тип этот весь фильм бродить будет, пока не замочат...

– Бродить? Он че, бродяга что ли? Ты че, вообще, собираешь? Ты хоть знаешь, кто такой бродяга?

– Нет, не знаю.

– Во! Во! Не знаешь! Порядочный должен знать, кто такой бродяга! Ты скока уже сидишь?

– Мне никто не объяснял.

– Сам должен интересоваться.

– Ну, давай, расскажи. Я интересуюсь.

– Вы только так и можете! Пока не скажут – сами ниче делать не будете! Кто у нас за транзитным корпусом смотрит?

– Этот... как его...

– Во! Даже имена людей не знаешь!

– Забыл я. И что теперь? Их столько много, я всех поименно помнить должен? Надо будет – узнаю, не проблема.

– ...

– Так кто такой бродяга?

– Рано тебе еще. Не поймешь. И вообще...

– Ой–бой, мир блатной! – раздался голос у нас за спиной.

Это был Домик, он лежал на шконке и, приподняв голову, смотрел на нас уставшими глазами.

– Ты, Русик, заблатовал что ли? Тебя куда волокет? Пацан сидит два понедельника, поумнее тебя будет. Ты сам–то давно все это выучил, а, вор–егор? Понахватают верхушек и ходят рисуются... – он говорил что–то еще, но последние слова

было не разобрать, голова его уже снова лежала на подушке.

Я повернулся, молча взял пульт и переключил канал. Руслан сидел, нахмутив брови, и молча смотрел в экран. Тут я почувствовал на себе чей-то взгляд. Медленно повернув голову, я увидел, что Витя Большой не спит и смотрит на меня. Его лицо не выражало никаких эмоций, но в глазах было что-то, чего я не смог понять. Мы смотрели друг на друга несколько секунд. Не выдержав его тяжелый взгляд, я отвел свой, а когда посмотрел вновь, его глаза уже были закрыты.

Все вновь прибывшие заключенные проходили медицинский осмотр: беседа с терапевтом, кровь из пальца и вены, флюорография легких. Здоровье у меня было отменное и терапевт – молодая симпатичная женщина – посмотрев на меня поверх очков, спросила: «Все нормально?» На что я молча кивнул, и на этом мой осмотр подошел к концу. Кровь из пальца брали на общий анализ, из вены – на ВИЧ, снимок легких делали для выявления туберкулеза. В общем, повода волноваться у меня не было, и я покинул медицинский кабинет в хорошем расположении духа. Хотел даже неформально пообщаться с медсестрой, уж больно она мне приглянулась, но меня опередил Рубль. Он начал осыпать ее многострочными комплиментами, на что она едва заметно улыбалась, не поднимая глаз от учетного журнала.

Когда все процедуры были пройдены, нас вывели на тю-

ремный продол – длинный коридор корпуса, по стенам которого с обеих сторон располагались наши камеры. Десятки железных дверей и уходящий вдаль коридор придавали этому и без того мрачному месту какую-то ледяную безысходность. Мы стояли и ждали дубака, который разведет всех по камерам. Среди нас были и люди с других хат. Я с интересом смотрел на них – у каждого своя история, своя судьба и своя камера, в которой сидит еще десяток людей со своей судьбой, своей бедой. Только тогда я начал понимать, какое это страшное место. Страшное не тем, чем нас пугают по телевизору, в газетах и даже в книгах, создавая всевозможные стереотипы – нет. Страх был в этих стенах. Страх, отчаяние, боль, разлука, чувство безысходности и бессилия витали в воздухе, заполняя собой каждый уголок и проникая в каждую щель этих стен. Стены впитали в себя страдания тысяч, а может миллионов людей, и ты физически чувствуешь, как они давят. Давят твой дух.

– Сколько здесь всего камер? – спросил я.

– Почти четыреста. Точно не знаю.

– И в каждой сидит по десять–пятнадцать человек, как у нас?

– Нет, у нас маленькая хата. Есть большие, там по двадцать–тридцать человек.

– Много выходит.

– Нас тысячи. А по стране – миллионы.

Появился дубак и, называя фамилии, принялся разводить

всех по камерам.

Прошел день. А может и два. Я путал дни, время текло здесь как-то странно. Или просто я его так воспринимал? Тем временем Рубля вызвали в санчасть.

– Не выдержала девчонка, не смогла передо мной устоять. На свиданку уже тянет. Видели бы вы, как она на меня смотрела, скажи, Игнат!

С широкой улыбкой он обувал свои поношенные классические туфли, рукой пытаюсь разгладить смятый свитер. Он говорил что-то еще о том, как она хороша и одинока, говорил легко и беззаботно, но в глазах мелькала скрытая тревога.

Его не было долго – не меньше часа, так что каждому из нас удалось показать уровень своего остроумия, описывая что, как и каким образом они будут делать в закрытом кабинете. Лицо, с которым он вернулся в камеру, начисто отбило у нас все желание продолжать. От прежнего веселья и озорства не осталось и следа, Рубль был серьезен.

– Она увидела какое-то пятно на легком, сделала повторный снимок, и все подтвердилось – туберкулез. Опять он. Больше двадцати лет с ним мучаюсь.

Он замолчал и посмотрел прямо перед собой абсолютно пустыми глазами, как будто смотрел в никуда. Через несколько секунд в них вспыхнул знакомый огонек, и он от-

бил на коленях ладошками веселую дробь.

– Херня, прорвемся. Едем дальше.

Обнаружение туберкулеза у заключенного означало, что он, во избежание заражения соседей, будет этапирован в местное лечебно–исправительное учреждение. И неважно был ты подследственный или уже осужденный, дорога одна – в больницу за колючей проволокой. Увезти его должны были ближайшим этапом, то есть уже завтра, поэтому Рубль хоть и не суетился, но делал все быстро: вручную перестирал всю одежду, аккуратно сложил в сумку необходимые вещи. Движения были отточены, все легко и размеренно. Было видно, что это далеко не первый его этап. Каждый из нас дал ему несколько пачек сигарет, горсть конфет, немного чаю – снабдили его так называемым арестантским «необходом». В результате получился весьма внушительный пакет. Яркий пример взаимовыручки.

Сказав, что ему надо хорошо выспаться перед этапом, Рубль лег на шконарь и накрылся одеялом с головой. Я смотрел на него и думал, какое же все–таки удивительное существо человек: помимо неведомых способностей и возможностей, в экстремальной ситуации он обнаруживает в себе скрытые до сего момента качества. Мы знали, что у Рубля за душой ничего нет, что никто не привезет ему передатку, и старались обеспечить его всем необходимым. Спрашивали, есть ли у него запасные носки, лишний кусок мыла, новая зубная щетка, а если чего–то не доставало, каждый из нас

был готов отдать последнее. И каждый знал – окажись он на его месте, все поступили бы точно так же.

Способен ли обеспеченный, довольный жизнью человек к состраданию? Не к напыщенным возгласам, тем, что на публику, а к реальному живому состраданию? Нет, если он сам не страдал. Если не знает цену жизни.

Я смотрел на этого худого, одетого в старую, заношенную одежду, больного человека и понимал, насколько крепок дух. Я видел, как человек принял очередной удар судьбы, оправился от него и, сжав в кулак свою закаленную волю, продолжил жить.

На следующий день перед отъездом мы устроили проводы: накрыли на стол, заварили крепкого чая и дружно желали Рублю удачной дороги и крепкого здоровья.

– А жены с золотыми зубами, что трудно пожелать? Я о такой всю жизнь мечтал, что мне ваше здоровье? – Рубль был неизменен, и когда все посмеялись, он продолжил: – Ладно, давайте, мужики! Покатил я, сами не хворайте. Хорошая у вас хата, люди хорошие.

В замке зазвенели ключи.

– Это за мной. Ну, мужики, с Богом! Спасибо вашему дому, пойдем к другому, – он пожал всем руки и, взяв собранный пакет, вышел из камеры.

Допив оставшийся чай, мы убрали со стола, и камера зажила прежней жизнью. Только шконка в углу напротив смотрящего опустела. На ней лежал лишь один тонкий матрац.

Сидя у себя, Большой смотрел на нее несколько секунд.

– Игнат, ты где сейчас спишь? Наверху?

– Да, мы с Русей по очереди.

– Сюда перебирайся. Здесь теперь будешь.

Ту ночь я спал хорошо. Еще бы! Я теперь жил на нижней шконке, что было гораздо удобнее – не надо было каждый раз карабкаться наверх, а прилечь отдохнуть я мог в любое время. Спал я на ней один, так что ни с кем время не делил. Более того, спать на нижнем ярусе было престижнее.

Утро было морозным и солнечным, на стеклах и решетке застыл иней. Первые лучи дарили мне хорошее настроение. Я еще немного повалялся в постели, наслаждаясь приятной негой, а затем встал, опустив ноги на пол. Многие уже проснулись и пили чай. Когда я поднялся, мне была предложена горячая кружка чифира. Поблагодарив их кивком головы, я осушил ее за пару глотков. Голова стала такой ясной, что, казалось, даже зрение и слух стали четче. Я прикурил крепкую сигарету, глубоко затянулся и ощутил, как пьянящий дым туманит мою светлую голову. Маленькие арестантские радости. Докурив до самого фильтра, я затушил бычок, наскоро накинул на кровать одеяло и пошел умываться.

Вернувшись домой, я увидел, что Большой сидит на своей шконке и вопросительно смотрит на меня.

– Игнат, если ты будешь так чертовать – назад на пальму

поедешь.

Я окинул взглядом шконки моих сокамерников. У них все было аккуратно, у кого покрывало подвернуто, у кого лежало ровно, но это было красиво и создавало определенный уют. У меня же скомканное одеяло было криво накрыто покрывалом так, что выделялись крупные бугры. Оценить ситуацию мне хватило секунды, и еще секунду я потратил на то, чтобы воспроизвести в памяти все увиденные техники заправки. В голове ясно возникли даже боковым зрением увиденные мелочи.

– Базара нет, – сказал я Большому и быстро навел у себя порядок.

– Другое дело. И самому приятно, согласишься. Ты же дома постель аккуратно заправлял? Теперь это твой дом.

Ну да, ну да. Я согласно кивнул, хотя внутри был против. Не против того, что должен быть порядок, а что он назвал это место моим домом. Жить я тут не планировал.

Начался очередной день. Баланда, шконка, чифир, сигареты, телевизор, разговоры – этот день ничем не отличался от предыдущих, но что-то было не так, чего-то не хватало. Как обычно, мы пошли на прогулку. Хоть мы и старались периодически открывать форточку, свежего воздуха поступало мало. Недостаточно, чтобы вытеснить весь этот смрад и никотин, который витал в камере, пропитывая собой одежду и, казалось, нас самих. Я ходил гулять каждый день – свежий воздух был необходим. И я уже непросто стоял, переминаясь

с ноги на ногу, как делал это в первые дни – я ходил, гулял, тусовался. Я хотел двигаться. Постоянное сидение или лежание было невыносимо, и тело просило, требовало движения.

Была середина декабря, и зима уже основательно вступила в свои права. Дул холодный ветер, я повыше поднял шарф и накинул на голову капюшон. Что-то давно Юлю не видел, может уволилась или просто перевели куда...

– Ты вообще чем на воле жил? – голос Большого отвлек меня от размышлений.

– Я?... Да так... то телефончик отожмем, то еще что-нибудь...

– Ага. Спортом занимался?

– Да, на бокс ходил.

– Хм, боксер значит, да? И долго занимался?

– Примерно полтора года. Непрофессионально, в обычном спортзале без ринга. Общая физподготовка, удар ставили, мешок колотили, легкие спарринги...

– Понятно, любитель, короче. Или из вас там убийц готовили?

– Каких убийц? Нет, ты че...

– Да ясно дело, расслабься.

– А ты чем занимался? Тоже поди боксом?

– Боксом. Как догадался?

– Заметно по фигуре, по походке, по козанкам сбитым. Что именно боксом, конечно, не скажешь, это я угадал, но видно, что серьезно занимался спортивным единоборством.

И не борьбой или дзюдо, а чем-то ударным.

– Все верно. Профессионального спортсмена сразу видеть, я до двадцати лет, можно сказать, жил на ринге.

– До двадцати? А потом что, бросил?

– Бросил. Работать надо было, деньги зарабатывать.

– Куда пошел работать?

– На завод гайки крутить! – рассмеялся Большой. – Ну, ты на меня глянь, куда я мог пойти работать, когда на дворе девяностые?... Вот-вот.

– А ты какой раз сидишь?

– Первый.

– Первый?!

– А что тебя так удивляет? То, что я бандит, еще не значит, что я с зоны не должен вылазить. Все же от этого зависит, – он постучал указательным пальцем по виску, – да и пацаны сколько выручали. Раньше проще было отмазаться, со следаком договориться или с судьей. Сейчас тяжело. У них контроль жестче стал: ОБ, ОСБ... Понаделали контор, понаплодили мусоров. А зарплаты у них теперь какие... На хромой кобыле не подъедешь. Можно, конечно, порешать, но... время не то.

– Я думал, смотрящим может быть только зэк с несколькими ходками.

– Необязательно. Я эту жизнь знаю, я ей на свободе жил. На общее уделял, с людьми знаком, голова на плечах есть – за общий ход в хате отвечать в состоянии.

Снег кружил по боксику морозным вихрем, но мы двигались быстро, так что холода я не чувствовал.

– Кто такой бродяга?

– Ты все ходишь, голову греешь? – весело хмыкнул Большой. – Нормально ты тогда Русю на жопу усадил, молодчага! Знаешь, я тоже не люблю эту «мурку» дешевую. Верхов хватанут и думают, что они эту жизнь знают! Понтуются так, будто не одну режимную зону разморозили!

Я заметил, что настроение Большого могло измениться в одну минуту – начать предложение он мог весело, чуть ли не смеясь, а закончить зло ругаясь, почти крича.

– Ты правильно тогда себя повел – спокойно, грамотно на все отвечал, говорил прямо, как думаешь. Знаний и опыта еще не хватает, но тут тебя Домик выручил. Бродяга, кстати.

– Домик – бродяга? – я несколько опешил. – Руслан объяснил, что существует три масти порядочного: мужик, бродяга, вор. А что каждая масть означает?

– Вор – это идеал преступного мира, кладезь наших понятий и уклада. Он же урка, жулик и батя. Наш батя. А мы ему сыновья. За ним последнее слово. Они же за нас и страдают, если того требует жизнь. Вор – икона этого мира.

– Это и есть воры в законе?

– В каком законе? По телевизору мусора говорят, а вы повторяете! Вор он и есть вор.

– Понятно. А бродяга?

– Че тебе понятно? Уже все понял? Как Руслан что ли?

Люди живут этим, умирают за идею, а тебе все понятно!

Звук щелкающего замка прервал начинающего раскаляться Большого, прогулка была закончена.

– Ладно, не парься, всему свое время, – сказал он уже спокойным голосом.

Мы вернулись в камеру. Чай, курево, телевизор... Жизнь потекла по уже знакомому руслу с однообразным течением. И только тогда я понял, чем этот день отличался от предыдущих, чего в нем не хватало. Славка Рубль.

Я лежал на шконке и щелкал пультом. Ничего интересного там как обычно не было и, смачно отругав российское телевидение, я переключил на музыкальный канал. Пела Максим. У меня перехватило дыхание. Ангельский голос. Я стал вслушиваться в текст, и почувствовал все скрытые образы ее лирики, невидимые для меня ранее... Мурашки по коже...

– Игнат, ну ты че батонишься? Айда сюда! – Большой сидел с ногами у себя на шконке и взмахом головы показывал рядом с собой.

Я с неохотой оторвал взгляд от экрана, встал, взяв с собой пачку сигарет – разговор, я чувствовал, предстоял долгий, и присел к нему.

– Чем в лагере будешь заниматься? Надо уже сейчас определяться.

– В лагере? – переспросил я, хотя прекрасно все слышал.

– Думаешь сорваться? Нихера у тебя не получится. У тебя судья знакомый? Или прокурор? Нет? Ну тогда сидеть будешь, я тебе говорю. Так чем заниматься будешь?

– Осудят – сидеть буду, чем заниматься...

– На шконке сидеть и в телик пялиться? Нет, так не выйдет. Если ты порядочным себя называешь, то должен соответствовать. Должен приносить пользу общему: в карты играть, нести воровское в массы, ход наш поддерживать. Понимаешь, о чем я?

– А работать? Что, порядочный работать не может? Я думал, если осудят, на работу пойти.

– Зачем?

– Ну, как зачем? Чем–то же нужно заниматься, заодно и профессию какую–нибудь освою.

– Пахать на мусоров за двести рублей в месяц?! Че ты так смотришь? Думаешь, больше будут платить? Нет, ну платить–то будут тыщи две, просто из них с тебя вычтут за питание, робу, свет, тепло, плюс хозяину на чай, итого пара сотен тебе, может, достанется. Ну как, нормально?

– Что получается работать запаadlo?

– Так–то нет, работают мужички... Но тебе зачем это надо? Ты молодой, неглупый. Есть кому за тебя мазут месить!

– Должна же быть нормальная работа...

– Говно за свиньями убирать! Нормальная?! Как тебе?!

Большой уже перешел на крик, и мне стало не по себе. Я не знал, как себя вести, и в поисках поддержки посмотрел

на Домика, но тот был занят книгой, поправляя постоянно съезжающие на нос большие очки.

– Конечно, нет. Кто такой бродяга? – решил сменить тему я.

Проследив за моим взглядом, Большой усмехнулся.

– Бродяга – это образ жизни. Он живет воровским, неважно, где при этом находится – в тюрьме или на воле. По сути, это вор без имени. Может, ему еще предстоит им стать или по какой-то причине он стать им не может.

– По какой, например?

– Да причин может быть много: сделал что-то, что приемлемо мужику, но неприемлемо вору и все – вором ему уже не быть. Тут очень много тонкостей, как и вообще в нашем мире... – чем больше Большой говорил, тем больше он успокаивался, и голос его становился тише.

– А Домик почему не стал вором?

– Спроси его, он тебе расскажет. Только сильно его не доставай – болеет он.

– Чем?

– И это заодно спросишь. Ладно че, поговорили и хватит. На сегодня хорош, времени у нас много, еще успеем наговориться.

Я не стал заставлять его просить себя дважды, сразу встал и пошел варить чай. Не нравилась мне его компания, не располагал он к себе. Домик тоже весьма своеобразен, я не знал, как себя с ним вести, тем более после открывшейся мне ин-

формации, а остальные мне были мало интересны. Эх, жаль Рубль уехал, душевный человек. Все–таки как быстро тут привыкаешь к людям. Находишься с ними двадцать четыре часа в сутки, нравится тебе это или нет, и они уже становятся неотъемлемой частью твоей жизни. И так же быстро ты можешь с ними расстаться, хочешь ты этого или нет. Интересно, к этому так же быстро привыкаешь?

Время шло, кого возили на следствие, а кого – на суды. Некоторые уже слышали приговор, и ждали этапа в лагерь. Странно, но за это время пока еще никого не оправдали. Одного мужика осудили за то, что он защищал свою семью от трех пьяных отморожков. Те втроем накинулись на мирно прогуливающуюся пару с ребенком и, увидев отпор, который им оказал глава семьи, отступили. Но спустя несколько минут вернулись с длинными палками, а один вытащил нож. Завязалась драка, в которой мужик, изрядно получив по голове, сумел выбить у того нож. Этим ножом он, весь в крови, еле держась на ногах, пырнул замахивающегося на него палкой подростка. Те двое убежали. Он вызвал скорую. Парень умер в больнице. Следствие длилось полгода и еще столько же суд, на котором мужик упорно доказывал, что это была необходимая самооборона, он защищал свою семью. Тех двоих нападавших не нашли, а свидетельские показания жены и ребенка сочли сомнительными, потому что свидетели

приходились ему близкими родственниками, то есть лицами, заинтересованными в его невиновности, а один из них, вообще, был малолетним. Суд обвинил его в причинении тяжких телесных повреждений, приведших к смерти и приговорил его к семи годам строгого режима.

– Он что, сынок какой–то шишки? Почему тебе не поверили? – я не мог смириться с услышанным.

– Нет... из обычной семьи, родители на заводе работают. Они приезжали к моей жене... извинялись за сына, – он говорил отрывисто и безучастно, – суд решил, что драка завязалась и по моей вине тоже... что я их спровоцировал...

– Ты шел с женой и маленьким ребенком и спровоцировал троих пьяных? ... Бред.

– Получается так. Конечно, бред. Да и судья не дура... все понимала.

– Но тогда почему?

– Не знаю... Может, по статистике ей в годовом отсчете тяжкого преступления не доставало, дыры в работе латала. Может, следователя прикрывала, который все это насочинял, у них же там круговая порука...

– Ну, как так–то... – не соглашался я.

Не мог я принять это. Внутри бушевала злость попеременно с жалостью. Злость на судью, прокурора, следователя, на всю эту систему, которая заживо проглотила человека и даже не поперхнулась. И жалость. Мне было искренне жаль этого мужика, который не испугался и поступил так, как должен

был поступить каждый. А теперь его ждет семь лет лагерей. Целых семь лет!

– Что тебе надо? Вещи теплые есть? Сменка? На лагерь же скоро. Шампунь хороший есть, хочешь подгоню?

– Не надо... У меня все есть. Жена не забывает, каждую неделю приезжает. В лагере сейчас должны личное свидание предоставить... Хоть сына увижу... Он у меня в следующем году в школу пойдет... а я тут...

Повисла неприятная пауза.

– Чай, сигареты собрал?

– Сигареты есть, хватает...

– А чай?

– ...

– Мужики, давайте чай насыплем человеку, он в лагерь едет.

Собрали почти полный целлофановый пакет чая и, перевязав его узлом, положили на стол.

– Спасибо, Игнат.

На следующий день он уехал. Уехал и увез с собой еще одну частичку надежды. Я понимал, что все самое неприятное у меня впереди. А пока я встречал и провожал старых и новых арестантов. Этих потерянных душ. И как бы кто не скрывал это за чрезмерной веселостью, напущенной серьезностью или лихим блатным куражом, в глазах читалась обреченность.

Я научился составлять курсовки и писал их, когда требо-

валось. Руслан после этого еще больше расстроился и сложился без дела в молчаливой задумчивости.

– Руся, ты че обиделся? Ой, то есть огорчился? – вовремя поправил я.

– Нет, с чего ты взял? Все путем.

– Мы с тобой день и ночь рядом находимся, с утра до вечера друг друга видим. Что думаешь, незаметно, что морду воротишь?

Руслан глубоко вдохнул и медленно выдохнул, нахмутив брови.

– Есть курить?

– Держи, – я протянул ему раскрытую пачку. – Кончились? А чего молчишь?

Мы закурили.

– Руся, а че такое «светланка»? Я слышу, все говорят, а как понять не знаю.

– Это раковина, – улыбнулся он.

– А почему светланка?

– Потому что она чистая постоянно. Белизной светится.

– А «ураган» это че?

– Стол наш, – уже во все зубы улыбался Руслан. – Ураган, потому что, когда на нем еда появляется, вся хата слетается, вокруг кружит, как будто неделю не ели. В натуре ураган!

Мы хохотали от души. Он еще долго веселил меня всякими тюремными байками, а я сидел и улыбался, довольный собой. Довольный тем, что сумел расположить к себе отвер-

нувшегося человека.

И вот наступил этот день. На утренней проверке мне объявили, что я буду этапирован в изолятор временного содержания для проведения следственных мероприятий, я воспринял эту новость без особой радости.

– О, ну вот и Игнат поехал, – донеслось откуда-то из глубины камеры.

– И когда меня повезут, вечером? – спросил я, засыпая чай в литряк.

– Вечером тебя только из камеры выведут, а увезут утром. На меня вари, я тоже буду, – ответил Руслан.

– Почему вечером? И где меня до утра держать будут? – прикинув, что на двоих заварки достаточно, я перестал сыпать и посмотрел на Домика. – Дядя Вова, на тебя варить? Чифирить будешь?

Он поднял перед собой ладони и отрицательно помотал головой.

– Выведут тебя примерно в девять вечера и закроют в этапный боксик, где будут сидеть такие же этапники со всей тюрьмы. В этом боксе вас и продержат до утра, может и до обеда, а потом посадят в автозэк и увезут, – объяснял мне Руслан.

– Этапный боксик – это что?

– Та же камера, только без шконарей. Вдоль стен прива-

рены узкие лавочки, а в углу параша.

– Почему нельзя с утра спокойно всех вывести и сразу в автозэк посадить? Смысл какой нас там держать?

Руслан, пожав плечами, открыл было рот, но его опередил Домик:

– Они говорят, что из-за нехватки персонала, загруженности и не квалифицированности сотрудников, чрезмерно большого количества заключенных, плохого состояния и малого количества автозэков... Брехня. Не в этом дело.

– А в чем тогда?

– Тюрьма, суды, следственные органы – это все одна система. Судье или следаку не нужно, чтобы ты стоял перед ним гладко выбритым, чисто одетым, сытым, полным уверенности и сил. Понимаешь? Им выгодно, чтобы ты был уставший, голодный, насквозь пропитанный потом и никотином, и думал только об одном – скорее бы все это закончилось, скорей бы назад в камеру. Так тобой проще манипулировать. Они ломают твою волю. Так им легче вытянуть из тебя нужные показания, уговорить подписать какие-то «формальные» бумажки, не дать возможности здраво, грамотно себя защищать. Им всем нужно, чтобы ты сидел.

Домик закончил говорить, и мое настроение упало окончательно.

– Че застыл-то? Давай чай пить! – вернул меня к жизни Руся.

Я с неохотой принялся келешевать чай, переливая его из

кружки в кружку. Я делал это скорее на автомате, потому что чифирить мне уже не хотелось.

– Ну, меня–то еще не судить везут. Так, наверное, моменты какие–то уточнить.

– Арест продлить, допросить еще раз могут, очная ставка, если подельники есть.

– Есть. Нас двое.

– Вот с корешом и потолкуете. Съездишь – вернешься, ничего страшного. Хоть разнообразие какое–то, – Домик повернулся и открыл книжку.

Действительно, мне уже начала надоедать эта камера, эти стены. Скатаюсь, развеюсь маленько, Степу увижу – нам есть что обсудить. Да и вообще, хотелось бы просто поговорить. А то общаюсь по сути только с незнакомыми для меня людьми. Он как–никак друг все–таки.

Из камеры я вышел в хорошем расположении духа – специально поспал пару часов, чтобы выдержать ночь. Руся сварил мне крепкого чаю и перелил его в полторашку. «Херово будет – пей», – сказал он, улыбаясь гнилыми зубами. Я не заметил, как меня провели через десяток коридоров и поворотов, как дубак уже открыл передо мной ржавую железную дверь. Этапный боксик. Зайдя внутрь, я был сразу оглушен звоном доносившихся голосов и запахом дешевых сигарет. Дым стоял до потолка, и я не сразу разглядел все происходящее внутри. Боксик был размером с нашу камеру, вот только человек в нем находилось в два, а то и в три раза больше.

Кому не хватало места на лавочках, сидели на брошенных на полу сумках. Разговаривали, наверное, все, не молчал никто, поэтому я не сразу услышал голос Степы.

Он сидел на сумке ближе к левому краю и звал меня, показывая на свободное место рядом с собой. Что-то было не так. Или просто мне показалось – дым столбом, что тут разглядишь. Я в радостном нетерпении протиснулся к нему и, кинув сумку, уселся сверху.

– Ты уже знаешь? – он посмотрел на меня такими глазами, что я ощутил гробовой холод.

По моему позвоночнику сверху вниз прошла какая-то неживая волна и застыла в районе пяток. И прежде чем Степа открыл рот, я уже все понял.

– Он умер.

2.

– Верь в себя, Сережа, у тебя все обязательно получится!
Ведь если не у тебя, то тогда у кого?

Я стоял и смотрел в окно. Холодный ветер завывал, кружа снежную вьюгу, которая красиво мерцала, освещенная светом фар проезжающих автомобилей. Уже давно стемнело, хотя было еще только шесть вечера. Через считанные дни наступит самая длинная ночь в году.

– Есть сейчас будешь, тебе накладывать?

– Да, давай сейчас.

Мама поставила передо мной полную тарелку плова. Он был не слишком жирным и не слишком сухим, рисинка к рисинке, и я, бросив сверху добрую порцию майонеза, с аппетитом заработал ложкой.

– Правда, Сереж, решайся. Ты справишься, у тебя всегда все получалось.

– Ага, все – да не все.

У нас в школе существовал Клуб – некое подобие театрального юмористического кружка. Уровень был достаточно высокий, руководили им бывшие работники сферы искусств, и наша школа из года в год становилась победителем городской лиги. Команда состояла из одних парней, и их популяр-

ность и значимость в школе можно было приравнять к славе команды американского футбола в американской школе. Их знали все. Быть с ними знакомыми считалось престижным, а сохли по ним девчонки всех возрастов. Каждая мечтала замутить с любимым из них.

Наш классный руководитель предложила мне пойти на кастинг в Клуб, заверив, что я именно тот, кто им нужен. А когда ей в ответ прозвучало мое «я подумаю», она озвучила свое предложение на родительском собрании.

И вот уже два дня как мама пытается вдохновить меня на этот самый кастинг. На самом деле, я для себя давно все решил. Еще как только наша классуха раскрыла рот, я уже был согласен. Да от этого не отказался бы любой здравый пацан нашей школы. Конечно, я был согласен.

Еще немного поковыряв плов, я бросил ложку, недоев, наверное, половину, встал, вытер рот рукой и пошел к себе в комнату. Сев за стол, я взял телефон и, найдя в справочнике нужный номер, сделал вызов.

– Алло.

– Здорово, Леха! Че делаешь?

– В футбол хотел пойти поиграть, там вроде уже собираются. Пошли тоже.

– Да какой футбол, ты че! Ветрище на улице знаешь какой! Холодно, темно – мячик не увидишь.

– А че делать? Делать нечего.

– Пойдем пива попьем.

– Так ветрище же...

– Да хер с ним!

На том и порешали. Взяв с собой деньги, которые остались со школьного обеда – немного, но на бутылку хватит, я надел двое штанов, свитер, теплый спортивный пуховик и уже зашнуровывал ботинки, как услышал голос мамы:

– Куда ты на ночь глядя?

– Пойду в футбол поиграю.

– Холодно, Сереж, да и темно уже.

– Там площадка освещается, возле Лехи. Ты че не помнишь?

– Варезки возьми. Жарко будет – не расстегивайся.

– Пока, мам!

– Аккуратнее.

Я выбежал из подъезда и быстро зашагал в сторону Лехиного двора. Это было нашим местом встречи, там находилось все, что нужно: футбольная площадка, много лавочек, прикрытых от солнца и снега кронами деревьев, ну и, конечно, магазин. Все на любой вкус и настроение.

Леха стоял возле входа в надвинутой на глаза шапке, засунув руки в карманы. Мы поздоровались и зашли внутрь. Прилавки с хлебом, кондитерскими изделиями и прочей едой нас мало интересовали, и мы, пройдя знакомой тропой, остановились возле нужной витрины.

– Какое будешь?

– Давай тройку. Че–то давно не пил.

– Два пива нам. Тройку! – сказал я продавщице, протягивая наши деньги.

Выйдя из магазина, мы пошли к пустующим лавочкам и, сметя перчатками снег, уселись на их спинки. Леха открыл обе бутылки зажигалкой так, что пробки улетели далеко вверх.

– Фу, теплое.

– Подожди, щас остынет.

Леха громко загоготал и сделал пару глотков.

– Может за Вовкой зайдем?

– Нафиг надо – у него денег нет. Угощать придется.

– Верно, он все на обед тратит. Покушать любит.

– Вот пусть и жрет, а мы пивас попьем, ага? – я пихнул Леху бутылкой в бок.

Сильный порыв ветра качнул ветки деревьев, и нас осыпало шапкой мокрого снега.

– Тьфу... блин... Серый, пойдем в подъезд, тут вообще не климат.

Мы всегда выбирали те подъезды, в которых не жили наши знакомые, или хотя бы те, в которых родители знакомых не знали нас. Имелся опыт пары неприятных встреч и последующих объяснений. Положив мокрые шапки и перчатки на батарею, мы стали растирать озябшие руки, не забывая при этом о пиве. Леха достал синюю пачку модных сигарет и сунул в рот одну. Щелкнув прозрачной трехрублевой зажигалкой, Леха прикурил и хитро улыбнулся. Пачку он так и дер-

жал в руках.

– На, закури! Че ты, бздишь?

– Дурак что ли? Нафиг они мне нужны, сколько тебе говорить можно...

Леха с наслаждением затыкнулся и хотел уже что-то сказать, как на весь подъезд запела мелодия его мобильного: «change my pitch up, smack my bitch up!»

– Да, мам... в футбол играем... в подъезд зашли погреться... холодно... через пять минут буду, – Леха нажал на сброс и посмотрел на меня, – ладно, Серый, мамка волнуется, я домой!

В два глотка осушив бутылку, он поставил ее на подоконник и бегом помчался вниз по лестнице.

– Перчатки забыл!

Пройти кастинг в Клуб мне не составило большого труда. Да, я волновался, скрывать не буду, но только сначала. Когда я вошел в актальный зал, где проходили репетиции и ежегодные кастинги, мое волнение сразу испарилось, и я уверенной походкой пошел к двум женщинам примерно пятидесяти лет – руководителям Клуба. Они сидели на первом ряду и давали указания стоящим на сцене ребятам. Шла репетиция. Я уже хотел было уйти, думая, что перепутал день или время, как меня окликнула одна из женщин и пригласила на сцену. Я сразу включился в процесс.

Команда состояла из десяти человек, двое из которых были мои ровесники, а остальные учились в старших классах. После короткого знакомства репетиция продолжилась, и меня начали пробовать ставить в разные миниатюры и сценки, объясняя, что и как я должен делать. Внимательно слушая и следуя указаниям руководителей, я легко вживался в любой образ, видимо, какой-то природный талант у меня был. Я выкладывался по максимуму и получал от этого удовольствие.

Когда все закончилось, и была озвучена дата следующей репетиции, ко мне подошли Саня с Олегом – двое из старших.

– Молодец! Красава! Нам достойная смена.

Мы обсудили много разных вещей, они объяснили мне некоторые тонкости и устои Клуба, а перед самым прощанием сказали:

– Каждые выходные мы собираемся всей командой в кафе, баре или у кого-то на квартире.

– И что делаете?

– Прокачиваем нашу сплоченность! – рассмеялся Саня. – Приходи, сам прокачаешься!

До выходных еще оставалось полнедели, днем я ходил на уроки, вечером – на репетиции. Учился исправно – был хорошистом, мои прогулы можно было пересчитать по пальцам. Большие успехи я делал по физкультуре и... литературе. Любовь к спорту тепло соседствовала с любовью к искус-

ству. К точным наукам у меня тяги не было.

Одноклассники узнали, что меня приняли в Клуб уже после первой репетиции. Было видно, как изменилось их отношение: девчонки, которые раньше не смотрели на меня совсем, стали поглядывать с видимым интересом, а те, которые раньше проявляли ко мне знаки внимания, своими невинными глазками прожигали меня насквозь. Пацаны тоже делились на две категории: одни были рады за меня и напрямую говорили об этом, а другие просто кипели от зависти. Только Леха не относился ни к одной из этих категорий – ему было похер.

– Че, Серый, вечерком в футбол пойдешь играть?

– Не-а.

– А че тогда, пиво пить? Блин, у меня денег нет.

Узнав, что у меня будет репетиция, Леха равнодушно промычал что-то и сказал, что он и один поиграет, не впервой.

На том и закончилась рабочая неделя. Наступила суббота, и я, проснувшись, сладко потянулся, а первая посетившая меня мысль была о предстоящей встрече Клуба. Она должна была состояться сегодня вечером на квартире у Олега.

– Ма-ам! – протянул я, не вставая с постели.

– Да, сынок! Проснулся?

– Я сегодня вечером на встречу Клуба пойду. Не знаю, когда вернусь.

– О, как здорово, вы и встречи устраиваете! Иди, конечно, только позвони обязательно, если удержишься. Завтракать

будешь?

– Давай.

Олег жил в десяти минутах ходьбы, и я, надев свой черный спортивный костюм, мельком глянул на себя в зеркало – прическа вроде нормальная, ничего не торчит, костюмчик мятый только, но это нестрашно, он же спортивный. Накинув пуховик, я попрощался с мамой, пообещав «если что» позвонить, и второпях покинул квартиру.

Я шел быстрым шагом, хотя до назначенного времени оставалось еще минут двадцать. Не то чтобы я боялся опоздать, но всегда чувствовал себя неуверенно, если шел минута в минуту без запаса. Меня не покидало чувство тревоги – вдруг я кого–то встречу, с кем–то заговорю, подверну ногу – да мало ли что может случиться, и я опоздаю. Я всегда выходил раньше, чем позволяло время.

– Привет! – мне открыл Олег, и я зашел в прихожую.

На вешалке было столько много одежды, что я с трудом нашел свободный крючок. Начав разуваться, я заметил среди десятка ботинок и туфель несколько пар женских сапожек. Это становилось все интереснее. Я мысленно улыбнулся и зашел в комнату.

Из колонок, висящих под потолком, доносилось «возьмем конфет и ананас, и две бутылочки для нас». Да уж, ну и репертуарчик. Кто же это поет? Голос знакомый, где–то слы-

шал. Вспомнить я не успел, потому что мое внимание переключилось на стоящий посреди комнаты, длинный, деревянный стол. На нем были чашки с какими-то салатами и порубленной колбасой, рядом с которыми валялся хлеб. Колбасу и хлеб видимо рубили прямо на столе – он был в глубоких царапинах, всюду валялись крошки и колбасные шкурки. В центре стояла большая пепельница.

– О-о-о! А вот и новенький! Давай к нам, присаживайся!

Вся команда была в сборе. Кому не хватило места за столом, сидели на диване, стоящем вдоль стены. Лица у всех были веселые и радостные, царила атмосфера праздника. Но эти лица я изучал недолго и, присев к столу, уже пялился на трех присутствующих девчонок.

Машка – невысокая брюнетка с ослепительной улыбкой. Ирка – худенькая блондинка, голубые глаза которой сверкали игривым блеском. Рита – русоволосая, высокая, с гордым и правильным лицом. Все были ярко накрашены и дорого одеты, красавицы, а главное – старшеклассницы.

– Хватай вилку, бери, что хочешь! Чувствуй себя как дома, – сказал Олег и пододвинул ко мне чашку оливье. Жутко пересоленного, как оказалось.

– У нас через две недели игра, материал подготовили – высший класс! Всех порвем, путевка в финал нам обеспечена, – Саня сидел рядом с Иркой и хвалился своими успехами и достижениями. – У нас в визитке такой номер есть – закачаешься! Это просто бомба, зал будет порван! Я там в

главной роли.

– Ой, а что там будет? Расскажи, а... – тонким голоском пролепетала Ирка.

– Нет, это невозможно, не могу. На игре все увидишь.

– Ну, пожалуйста, Сашенька... Мне так интересно... У тебя же главная роль... – Ирка сделала невинные глазки и быстро захлопала ресничками.

– Только никому не рассказывай, – сдался он.

– Никому! – победно улыбнулась Ирка и, повернув голову, подставила Саше свое красивое ушко, а когда тот склонился к ней и зашептал нашу будущую программу, прикрыла ротик ладошкой и тихонько захихикала, стреляя по нам своими голубыми глазками.

Я опустил взгляд и, ковыряясь вилкой, стал делать вид, что пытаюсь зачерпнуть порцию побольше.

– А как вашего новенького зовут? – накручивая на палец чернявый локон, спросила Машка.

– Сергей. Мы разве не говорили?

– Он немой, что ли? Чего молчишь–то? Представься девушкам, – высоко подняв подбородок, поддержала Рита.

– Серега, – буркнул я себе под нос и от волнения громко брякнул вилкой.

Все дружно захохотали, а я в довершении всего опустил глаза и покраснел, уставившись в тарелку с салатом.

– Ну, что–то мы заскучали, Олежа, погнажи! – сказал Саня и расстегнул ворот черной рубашки.

Тот сразу подскочил и, раскрыв дверцы подвешенного шкафа, достал из него маленькие стеклянные рюмочки. Выстроив их в ряд, он раскупорил бутылку водки и, прищурив один глаз, стал разливать ее равными порциями.

– А че, пива нет? – спросил я.

– Пива? Пиво можно каждый день попить, а сегодня день особенный, – Саня протянул мне рюмку с прозрачным напитком, а Олег поставил передо мной откуда-то появившуюся кружку, полную томатного сока. – Что смотришь так? Ни разу водку не пил?

– Пил, – соврал я.

– Ну и все тогда.

Все подняли рюмки, придерживая другой рукой кружку с соком. И мне ничего не оставалось делать, как поднять свою. Я не помню, какой тост произнес Саня – я был занят борьбой с рвотным рефлексом. Во рту стояла такая мерзкая горечь, что я и не сразу вспомнил про сок, он хоть немного спас ситуацию. Вроде никто не заметил моей неопытности, и Олег, подмигнув, протянул мне кусок сервелата.

Дальше было проще. Я стал чувствовать себя свободно и раскованно – уже не прятал глаза, поддерживал беседу на любую тему и остро парировал шутки. Вторая рюмка уже не вызвала приступа рвоты.

– Вкусный салат. Кто готовил? – с набитым ртом спросил я.

– Ма-аша... – пропела Машка и склонила голову набок

так, что черные волосы упали с плеча красивым переливом.

– У нее хорошо получается. Да она и сама ничего...

– Спасибо, – она прищурила свои глазки и слегка улыбнулась уголком губ.

– А вот этот с крабовыми палочками я делала. Ты уже пробовал? – пододвинув ко мне тарелку, спросила Рита.

– Да! Это же мой любимый!

– Говорят, тебя в Клуб без кастинга взяли. Чем же ты так смог их удивить? Ты такой талантливый? – играючи спросила Машка.

– Еще какой! – ответил я ей в тон.

Девчонки рассмеялись, а парни начали иронизировать по поводу размера моего таланта. Было весело, мы отдыхали. В ход пошла вторая бутылка, или это была еще первая, когда я, сидя уже рядом с Машкой, сказал:

– А я еще на гитаре играю! Олегыч, у тебя есть гитара?

Олег попытался изобразить серьезное лицо, отчего получилось только смешнее и, пародируя чей-то голос, произнес:

– One moment!

После недолгого отсутствия он вернулся со старой шести-струнной гитарой золотистого цвета. Настроенной. Я определил это, проведя пальцем по струнам. Все смотрели на меня в ожидании. Особенно Машка. Она, подперев кулачком подбородок, не сводила с меня глаз.

Сев поудобнее, я положил гитару на левую ногу и заиграл лучшее, что умел – сложный в исполнении, но красивый на

слух этюд. Я не сыграл даже половины, как услышал громкие возгласы:

– Где слова–то? Че, петь не будешь что ли?

– Нет, это же не песня, – я закончил играть, прижав ладонь к струнам.

– Щас Мишка покажет, как играть надо. Делай красиво!

Взяв гитару, Миша, игрок нашей команды, закинул ногу на ногу и лихим боем прошелся по трем простым аккордам. Он пел что–то про толстого фраера, про какой–то рояль, я мало понимал слова, а тем более смысл. Кто–то подпевал, кто–то просто качал головой – нравилось всем, и я начал стучать ладонью по столу в такт музыке. Машка повернула ко мне голову, с жалостным видом подняла брови и улыбнулась. Я не понял, что означает этот взгляд и выпил, стоящую под рукой, рюмку водки.

Дальше началось то, что называется «пьяный угар». Песни, крики, танцы, смех, «еще по одной» – как будто из киноплёнки вырезали целые кадры, я не успевал понять, как одна картинка сменяет другую. Из этого состояния меня вырвал звонок моего мобильного. Сначала я не мог сообразить, откуда эта трель? И лишь когда Саня начал кричать что–то о трубке и моей глухоте, я наконец–то полез в карман и, достав телефон, увидел два пропущенных вызова от мамы.

Оставшегося трезвого рассудка хватило понять, что в таком состоянии лучше не перезванивать. Я начал со всеми прощаться, говоря, что мне пора, что меня ждут срочные де-

ла и еще какой-то бред про важную встречу в три часа ночи. Ребята понимающе закивали головами, желая мне удачи в делах и счастливой дороги, а девчонки вроде бы возмущались и обиженно дули губы.

Расстояние, на которое трезвому мне требовалось десять минут, я преодолевал заметно дольше. Странно, машин совсем нет. Неужели уже так поздно? А где мой шарф? Забыл походу, да и хер с ним, до дома бы дойти. Вот он, мой подъезд, ключи на месте – вперед! Как бы зайти в квартиру так, чтобы мама не услышала... У меня есть время подумать. Четвертый этаж – это так высоко... Вот уже и мой этаж, моя дверь. Планов – ноль. Ну что, буду тихонько, на цыпочках, ключами не звенеть...

И когда я, максимально бесшумно закрыв дверь, уже расшнуровывал кроссовки, снова запела эта противная трель. Я второпях полез в карман, пытаясь отключить этот проклятый телефон, как вдруг увидел, что передо мной стоит мама, держа в руках свой мобильный. Она нажала красную кнопку, и мелодия прекратилась.

Проснулся я от головной боли и увидел, что лежу одетый на нерасправленной кровати. Глаза я сразу же закрыл, потому что смотреть мне ни на что не хотелось. Блин, меня же видела мама. Что же она теперь скажет? Я лежал и пытался вслушаться, что происходит в квартире – встречаться и раз-

говаривать с мамой мне совсем не хотелось. Но я не слышал ничего. Абсолютно ничего. В квартире стояла тишина. Сил на то, чтобы думать, куда ушла мама в воскресенье утром, у меня не было, и я открыл глаза.

Сушняк. Надо срочно выпить воды, но для этого надо было пройти на кухню, что, во-первых, было тяжело, а во-вторых, страшно. Вдруг мама все-таки дома, просто я ее не слышу. Собравшись с силами, я поднялся с постели и пошел на кухню. Никого. Уже хорошо. По привычке или по внутреннему предчувствию я открыл холодильник и увидел, что в дверце стоит бутылка минералки. Мое спасение. Мысленно поблагодарив того, кто поставил ее туда, я открыл крышку и присосался к горлышку. Приятная прохлада начала разливаться по телу, даря мне свежесть и, пусть легкую, но бодрость.

– Умывайся и садись завтракать, – услышал я за спиной мамин голос и чуть не поперхнулся.

Значит все-таки дома. Я опустил голову и проскользнул мимо нее в ванную. Почистив зубы, я наскоро привел себя в порядок и сел за стол. Мама поставила передо мной тарелку с пышным горячим омлетом. Завтракать я не хотел, но отказывать маме сейчас тоже как-то не хотелось и, схватив вилку, стал есть. Машинально жуя безвкусную пищу, я щурился, когда она обжигала губы. Я боялся смотреть маме в глаза.

– Почему трубку не брал?

– ...

– Понятно. Не мог. Так вот значит какие встречи в вашем Клубе, – мама сделала маленький глоток из кофейной кружки. – Я волнуюсь, ты понимаешь? Звоню, а ты не отвечаешь. Что мне думать? Ты ведь меня знаешь, я такое себе могу надумать, только повод дай. Вон в соседнем дворе мальчика ограбили и убили, слышал? А ты что всухомятку ешь, погоди, я тебе чайку с лимоном налью.

Это было очень кстати и, когда мама подала мне кружку, я с жадностью стал поглощать горячий сладкий напиток.

– Сегодня из дому ни ногой. Уроки сделай, еще не хватало, чтобы из-за твоих репетиций учеба захромала.

– Угу, – я продолжал молча жевать, не поднимая глаз с тарелки.

Мама сидела и смотрела на меня, держа в руках уже допитую кружку. Глубоко вздохнув, она встала и пошла к умывальнику. Громко заурчала вода.

– Когда будет выступление?

– В следующую среду! Это будет полуфинальная игра. Приходи, я для тебе билет достану.

– Приду, Сережа, конечно, приду. Ты вот что, – сказала она, когда я доел и уже собирался уходить, – сегодня, правда, никуда не ходи, дедушка обещал в гости прийти.

Быстро закивав, я встал и ушел к себе в комнату. Идти куда-то сегодня не было ни сил, ни желания. Я завалился на кровать и закрыл глаза. Да, вот это мы вчера погуляли, водку я теперь точно больше пить не буду. По-любому олимпий-

ку в чем-то уделал, салатом или соком заляпал. Че завтра в кофте в школу идти? Я стал осматривать костюм на предмет пятен. Кстати, я вчера один был на спорте, все остальные были в классике: темные наглаженные рубашки или строгие пуловеры, черные брюки или джинсы. Неплохо смотрится. Тут я нащупал что-то у себя в кармане – на небольшом кусочке тетрадного листа был написан номер телефона, рядом с которым стояла большая буква «М».

Вот тебе раз. Что вчера было-то? Ничего такого я не помню. «М» – это, наверное, Машка. Ну, уж явно не Мишка. А она ничего, красивая. Но что мне делать? Звонить ей? И что сказать? Можно, конечно, в кино пригласить, или просто погулять, или... Блин, почему она мой номер не взяла – сама бы позвонила. А так теперь сиди – голову грей. Я свернул листок и бросил на стол.

Весь день я смотрел телевизор, на уроки мне хватило тридцать минут – ничего нового, ничего сложного. Время пролетело быстро, и я не заметил, как наступил вечер. Раздался звонок в дверь, и мама пошла открывать. Пришел дедушка. Поздоровавшись с мамой, он прошел в зал и позвал меня. Ему восемьдесят два года, и он ветеран войны.

– Здравствуй, внучок! – громко сказал он, когда я вошел в зал. Он был немного глуховат.

– Привет, – сухо ответил я и с неохотой плюхнулся на диван.

– А ты подрос, большой какой стал! Эх, давно у вас не

был...

– На той неделе был.

Минут тридцать я сидел и отвечал на вопросы о школе, друзьях, подругах, опять о школе... Когда кончилось терпение и силы, я сказал:

– Ладно, мне пора уроки делать.

– Конечно, конечно! Иди учись! Вот молодец какой, учиться надо обязательно! Не будешь учиться – жалеть потом будешь...

– Так собрались, собрались! – захлопал в ладоши Саня.

Мы стояли плотным кругом плечом к плечу и, когда он вытянул вперед правую руку, каждый из нас положил на нее свою.

– ...о–о–О–О, – наш командный клич становился все громче, а когда достиг своего апогея, мы разорвали круг.

До начала выступления оставались считанные минуты. Это была моя первая игра, мой первый выход, но я не чувствовал никакого волнения. Свою роль я знал на зубок, а предвкушение выхода на сцену дарило мне новые, незнакомые ощущения.

И вот началось. Мы выбежали из–за кулис, и нас встретили крики и аплодисменты толпы. Свет софитов ослеплял, но я увидел, что зал забит под завязку, свободных мест почти нет. Мы сыграли хорошо, без сбоев, все как репетировали.

Зал смеялся над нашими шутками и громко хлопал. В конце выступления у нас была финальная песня, во время которой был подготовлен сюрприз. На начале сильной доли припева, по краям сцены, из пола, как большие бенгальские огни, начали сыпать искры, подлетая не меньше метра в высоту. За работала пиротехника – «фонтанчики».

Зал взревел. Восторг, удивление, счастье, признание, любовь, восхищение и еще миллион эмоций вырвались из горячих сердец зрителей и наполнили собой души стоящих на сцене. Наши души. Это было незабываемо. Я в буквальном смысле ощутил эту энергию. Энергию зала.

Наша победа ни у кого не вызывала сомнений. Жюри поставило высший балл и торжественно вручило нам путевку в финал. Когда награждение закончилось, в зале включили свет, и публика начала медленно стекаться к выходу, а самые преданные болельщики ринулись к нам на сцену. Девчонки обнимали нас, парни жали руки. Меня поздравляли все: одноклассники, ребята с параллельных и старших классов и даже незнакомые мне люди. Рита, слегка обняв, наскоро поздравила меня и побежала дальше, одна девчонка, имени которой я не знал, все крутилась под ногами. Она была на год младше и давно по мне сохла. Интересно, а где Машка? Что-то ее не видно. Вот Ирка прижалась к Сане, вынырнув у него из-за спины, обвила за шею и, глядя прямо в глаза, что-то щебетала, обольстительно улыбаясь.

– Где наш капитан? Давайте, ребята! – прокричал Олег, и,

выхватив Саню из крепких Иркиных объятий, мы вытащили его на середину сцены, где, цепко взявшись за руки и за ноги, стали подбрасывать его в воздух.

Глаза светились искренней радостью, мы праздновали победу. И тут я увидел Машку – она стояла в стороне, держа в руках мобильный телефон, и смотрела на нас. Что же она не подходит? В тот вечер она не выглядела такой скромной.

– Пойдемте в парк гулять! – прокричал Мишка. Его предложение было принято единодушным восторгом.

– Мальчики, ну холодно же... – жалобным голосом протянула Ира.

– Не бойся. Я не дам тебе замерзнуть, – Саня обнял ее за талию и прижал к себе.

Мы долго гуляли по парку. Сидели на скамейках, ели хот-доги, пили кофе, играли в снежки. Погода была хорошая, безветренная, и возле очередного ларька я спросил:

– Может, по пивасику?

Все удивленно посмотрели на меня.

– Ты что! Завтра же рабочий день, всем в школу. Мы в такие дни не пьем, – сказал Саня. Он стоял у киоска, склонившись к окошку, и держал Ирку за руку. – Тебе какие взять?

– Мне вот те, тоненькие.

Саня протянул продавщице сторублевую купюру.

Они закурили. Последовав их примеру, это сделали и остальные – со всех сторон защелкали зажигалки. В свете фонарей кожаные куртки и дубленки смотрелись красиво,

а выпускаемый вверх серебристый дымок вносил в картину финальный штрих.

Что-то Машки не видать нигде, почему она не пошла? Интересно, а она курит?

Мы принимали поздравления несколько дней. Не было такого учителя, который не поздравил бы нас с победой. Мои одноклассники устроили мне приятную встречу: написав на доске приветствия и поздравления, они хором прокричали «Сережа молодец», когда я вошел в класс, и десяток рук сжали меня в объятиях. Нельзя было пройти по коридору, не встретив приветливой восхищенной улыбки. Это было приятно. Я наслаждался славой.

На большой перемене я стоял в окружении знакомых и рассказывал какой-то смешной случай с нашей репетиции, как услышал голос:

– Сережа...

Я обернулся и увидел ту самую девчонку, которая крутилась возле меня все последние дни. Она неуверенно смотрела на меня, сжимая в руках мягкую игрушку – большое сердце с глазами и широкой улыбкой.

– ...это тебе, – тихо сказала она и протянула мне сердце.

Блин, она же некрасивая. Да еще и толстая. Младшеклашка. Я покраснел. Как же стыдно. Она при всех хочет мне что-то подарить. Какую-то стремную игрушку. Какое-то сердце.

Я был готов провалиться сквозь землю.

– Не надо... – брезгливо вырвалось из меня и, развернувшись, я быстрым шагом поспешил прочь, только бы не видеть глаза ребят. Фу, как стремно. Настроение только испортила.

После уроков я пошел в противоположную от дома сторону и, пройдя три квартала, зашел в музыкальный магазин. Магазин был мне знаком – я покупал там гитарные струны взамен лопнувшим. На этот раз струны мне были не нужны, и я подошел к витрине с печатной литературой. Быстро пробежал глазами все названия и выбрал две тоненькие книжки в мягкой обложке «Самоучитель по игре боем/аккордами» и «Сто лучших песен. Тексты, аккорды».

Довольный покупкой я пошел домой, по дороге решив зайти во двор к Лехе, это было по пути. Я нашел его на футбольной площадке. Вместе с двумя ребятами, имен которых я не помнил, он искусно жонглировал мячом, считая вслух количество касаний:

– ... тридцать шесть, тридцать семь, тридцать восемь...

– Здорово, пацаны.

– Серый, привет! Погоди, не мешай... тридцать скока? Блин, сбился! – он сильно пнул мяч, и тот, описав большую дугу, залетел в ворота. – Че пришел-то? А как же репетиция, че с Клуба выгнали?

– Ниче не выгнали. Я вообще мимо шел.

– А, понятно. Может, сыграем? Давай в «квадрат», нас как

раз четверо.

– Не, неохота.

– Предлагаешь пива попить? А бабки есть? У меня нету, – он достал из кармана пачку сигарет и закурил. – Будешь?

– Нет. А ты че такие стремные куришь?

– Стреемные, – передразнил Леха. – С каких пор ты в сигаретах разбираться стал?

– С тех самых. Говорят, у нас на массиве кого–то завалили. Не слышал?

– Петьку. Он в другой школе учился. У него смартфон был, кто–то навел. Хотели отобрать, он не дал – вот ему голову и пробили. Не местные вроде. Поймали их, говорят.

– Да уж... Ладно, я пошел.

– Давай, пока!

Придя домой, я сел за стол и решил посмотреть какие уроки нужно сделать на завтра. Бегло пролистав все конспекты, я оценил ситуацию – заданий много, но они легкие, даже если спросят, как–нибудь выкручусь, решу все экспромтом. Я уже собрался включить телевизор, как услышал звук принятого сообщения. Пришло смс с незнакомого номера:

«Привет)»

«Привет» – набрал я. Интересно, кто это.

«Что делаешь?)»

«С тобой переписываюсь. Кто это?»

«Твоя тайная поклонница)))»

Машка. Ну наконец–то решилась девочка. Я уж думал, не

напишет. Сейчас мы с ней замутим.

«Я и не знал, что у меня есть поклонница, да еще и тайная. Может сходим куда–нибудь?)»

«О... Ты меня приглашаешь? Я подумаю)»

Пококетничать решила, ну это в ее стиле. Пусть, пусть, все равно согласится.

«В кино можно. Новый фильм с Анджелиной Джоли вышел. Ты, кстати, на нее похожа)»

«?:)»

«Ну, волосами точно) А в остальном ты даже лучше)»

«Спасибо) Только ты не угадал, я не брюнетка)»

Стоп. Не угадал? Не брюнетка? Машка брюнетка. Так кто же это тогда? Неужели та толстая младшеклашка?! Она и не брюнетка, русая, точно она! Блин, а я уже размечтался...

Расстроенный я лег на диван и включил телик. Приходил еще десяток смс, но я их не читал. Сразу удалял.

Хоть с окончания последней игры и прошло всего ничего, мы уже всюю готовились к следующей. Еще бы! Ведь это будет финал. И пусть для многих он был уже не первый, легкое волнение присутствовало у каждого, не говоря уже обо мне.

Руководители составили нам отличную программу со смешными шутками, номерами и красивыми песнями. Мне предстояло сыграть много ролей, на меня возлагались большие надежды, и я их полностью оправдывал. Стоило мне

прочитать текст, прочувствовать настроение, оценить контекст ситуации, как я сразу вживался в образ и блестяще отыгрывал роль. Руководители не могли на меня нарадоваться.

Был объявлен десятиминутный перерыв. Мишка и другие мои ровесники побежали в стоящий рядом со школой киоск быстрого питания за горячими бутербродами, а старшие пошли курить в школьный туалет.

– А ты чего, Серега, тоже курить начал? – Саня стоял, облокотившись плечом о стену, скрестив ноги, и пускал большие кольца дыма.

– Нет, я так, с вами постоять. Тем более есть я не хочу.

– Понятно. А мы с Ирой вчера в кино ходили, гуляли потом долго. Она в меня влюбилась походу. Короче, мы с ней типа мутим.

– Ирка классная телка! – сказал Олег.

– Нельзя так говорить, она же его девушка! Для пацана девушка друга священна и неприкосновенна. Какая она тебе телка! – в сердцах вырвалось у меня.

– Да, да, прав ты, согласен. Но мы с Саньком старые приятели, он не обидится! – поднял руки Олег.

Саня довольно улыбнулся и многозначительно посмотрел на меня. Дальше по плану мы должны были репетировать финальную песню. Чтобы как-то отличиться, мы решили подготовить нечто особенное – спеть ее под живую музыку. В нашем распоряжении было три инструмента: барабаны, син-

тезатор и гитара. Если с первыми двумя никаких вопросов не возникало – на ударных и клавишных нашлось только по одному способному играть, то с гитарой вышла небольшая заминка. Нас было двое, то есть я и Мишка, Олег, хоть дома у него гитара и была, играть на ней не умел.

– Да че тут думать? Конечно, я! Ведь там надо будет боем играть, а Серый только перебором может. Молодец, конечно, хорошо играет, я так не смогу, но...

– Уже не только.

Все удивленно посмотрели на меня, а Мишкина уверенность и наглость куда-то сразу пропала, наткнувшись на мой уверенный взгляд. Во избежание ненужных споров было решено все проверить на деле: каждому предлагалось исполнить гитарную партию финальной песни. Логично и просто.

Коротко глянув на Мишу, я взял в руки гитару и четко отыграл положенный отрывок, закончив красивым гитарным соло. Моя импровизация пришлась всем по вкусу, а Саня даже заплодировал. Вконец раздавленный Миша делал много ошибок, сбивался с ритма, а когда закончил играть, поднял на нас потухший взгляд. Он смирился с поражением, победа была моя.

Я вышел из школы в хорошем расположении духа, попрощался с ребятами и, вдохнув полной грудью холодный зимний воздух, подставил лицо снегу. Крупные снежинки медленно падали и, собираясь хлопьями, ложились на меня. Какой же я молодец! Могу ведь, когда захочу. Я буду лучшим.

Меня ждет большое будущее. Я стоял, наслаждаясь погодой и собой, настроение было супер, домой не хотелось. На землю меня вернула вибрация в правом кармане джинсов. Я достал телефон и увидел сообщение от Лехи: «Через десять минут у магазина. Есть бабки».

Это он вовремя. Сегодня отличный день! Через пять минут я был уже у него во дворе. Леха выходил из магазина с черным пакетом и широкой улыбкой.

– Пойдем! – махнул он головой, и мы пошли в сторону наших лавочек.

В пакете оказались двух с половиной литровая бутылка пива, два пластиковых стаканчика и пакет сухариков.

– Нихера себе. А откуда праздник–то?

– В подъезде лоха одного встретил, вот он мне бабки и отдал, – сказал Леха, разливая пиво по стаканчикам.

– Че это вдруг он тебе их отдал? Отобрал, так и скажи.

– Сам отдал, отвечаю! Он мне должен был.

– И давно должен?

– Не очень. Как со мной заговорил, так и стал!

Мы громко рассмеялись и осушили стаканы.

– Бе, – поморщился я, – пиво–то говно. Че, лучше взять не мог?

– Зато много! Какой понт с пол–литра?

Мы пили пиво, обсуждали последние матчи Лиги Чемпионов, ругали российский футбол и жевали сухарики. Когда в бутылке оставалось уже меньше половины, я встал и почув-

ствовал, как кровь приливает к голове. Я понял, что пьян. Леха тоже уже порядком захмелел.

– ...так что Тотти твой вообще левый, Реал порвет Рому как два пальца, – заключил он и достал сигарету. – Ну че, может курнешь?

– ...

– Видал какие? Не дешевые!

– Давай, попробую, – я взял зажженную сигарету и стал неуклюже пыхтеть дымом.

– Во, давай... тяни, тяни... да не носом, а ртом!

Дым обжег мои легкие, и я закашлял.

– Фу, блин! Херня какая! Как ты их куришь? – выдавил я из себя и бросил сигарету в снег.

Мы стали чемпионами города. Наши соперники были хороши, они очень старались и хотели выиграть, но все же мы были лучшими. Нам вручили подписанные мэром почетные грамоты и небольшой золотистый кубок с красивой гравировкой. Мы еще долго стояли на сцене. Принимали поздравления, делились радостью, звонили родным, а в финале сделали большое фото на память. Я увидел маму. Она стояла в партере возле самой сцены, смотрела на меня и по-доброму улыбалась. Я подошел, и мы обнялись.

– Поздравляю, Сереженька! Вы отлично выступили! Я в тебе ни капельки не сомневалась, ты талант! – она отстрани-

лась и посмотрела мне прямо в глаза. – Я тобой горжусь!

– Спасибо, мам.

– Не за что, сынок. Отмечать собираетесь?

– Не знаю... – замялся я.

– Сегодня можно. Такое событие – финал выиграли. Вы все–таки теперь чемпионы города!

– Ну, вообще–то да. Ты права.

– Только обязательно позвони. Скажи, где ты и во сколько придешь.

– Хорошо, мам.

– Смотри аккуратнее.

Довольный я побежал к ребятам, которые уже собирали вещи и упаковывали инструменты. Надо было отвезти реквизит в школу, и мы стали переносить вещи в машину. Почти все зрители уже покинули зал, и я увидел, что возле выхода стояли три знакомые девушки: Ира, Рита и Маша. Не просто так они здесь стоят, намечается что–то интересное. Долго гадать мне не пришлось. Олег сказал, что его родители уехали на все выходные в Шерегеш кататься на лыжах, так что сегодня мы остаемся у него с ночевкой. Лучшего продолжения вечера я и придумать не мог.

Шумной компанией мы залетели в местный супермаркет, где, наскоро посчитав имеющиеся у нас деньги, разбрелись по отделам. Девчонкам мы доверили купить еду, «точнее не еду, а закуску», как тонко заметил Саня. Пусть купят всяких салатиков, мясных нарезок, овощей... что–нибудь нафанта-

зируют. Пусть почувствуют себя хозяйками – они это любят, а мы возьмемся за основное.

Вино–водочный отдел занимал огромную площадь, была куча стеллажей и холодильников, заставленных бутылками. Их было так много, а объем и цветовая гамма была настолько различной, что разбегались глаза.

– Ты туда не смотри, – сказал Олег, увидев, что я остановился возле прилавка с коньяком. – Все в наших старых добрых традициях, ты же русский мужик, а не французская баба! – и, схватив меня за руку, повел дальше, где уже стояли все наши.

– ... так, так, так. Ну что решим?

– Если взять количество наших денег и ртов, сопоставить это с силой нашего желания, учитывая наше и без того веселое настроение... – Саня скорчил умную физиономию, – берем на все!

Мы вышли из магазина с полными пакетами, шутя и смеясь, и пошли в сторону олеговского дома. Путь пролегал через мой двор, и я вспомнил, что обещал позвонить маме.

– Алло.

– Алло, мам, привет. Мы тут это, в общем, у Олега будем... то есть я это... с ночевкой останусь. Завтра с утра приду.

– Хорошо, оставайся. Спасибо, что позвонил, завтра жду.

– Пока, мам.

Весь вечер Машка как специально на меня не смотрела, а

если все–таки мы встречались взглядом, делала безразличное лицо. Играется, но это ничего – сегодня я с ней по–любому заговорю, может даже что и замутим. А пока она с подружками ушла на кухню, я сел за уже поставленный в середине комнаты стол, на котором ребята расставляли рюмки.

– Давайте выпьем за нашу победу! Первая без закуски! – Саня поднял наполненную рюмку.

– И без запивки! – подхватил кто–то.

Мы дружно рассмеялись и выпили. Гадость какая. Я еще не мог к ней привыкнуть. Тем более, не закусывая и не запивая, вкус был ужасный.

– Я на ночь не смогу остаться, – продолжил Саня. – У меня завтра с утра подготовительное собеседование в институте. Надо готовиться, летом уже поступать.

В ответ зазвучал недовольный гул, который он прервал жестом.

– Отдыхайте, веселитесь! Это ваш праздник! Это ваша победа! – он оглядел всех. – Ну ладно, уговорили – еще по одной.

Гул тут же стал одобрительным, и мы выпили еще. Быстро уйти не получилось – прощались долго. Под пьяным делом у многих развязался язык, и они провожали капитана длинными литературными бравадами, а Олег, упав на колени, под общий хохот принялся изображать какого–то безумного поклонника. После всех этих сцен прощания Саня, стоя уже одетым, подозвал меня к себе и сказал:

– За Иркой смотри.

Мы пожали друг другу руки, и я закрыл за ним дверь. Праздник продолжился. Из колонок доносилось: «... а ты в ответ – я все отдам! Мадам, мадам. Падабадабапададам, мадам!». Девчонки вернулись из кухни и накрыли на стол. Чего там только не было: салат овощной, салат зимний, салат с кукурузой и чем–то еще, что трудно было определить, бутерброды с рыбой и огурцом, натертые снизу чесноком и просто нарезанный сыр с колбасой. Девчонки постарались на славу.

– М–м–м... Вкуснятина! Пальчики оближешь! На вас хоть женись! – воскликнул я.

Вдохновленные моим комментарием девушки рассмеялись и расцвели, а Маша скромно улыбнулась и потупила глазки. Начало положено. Довольный своей маленькой победой или вернее первым шагом к маленькой победе я, наложив себе полную тарелку салата, сказал:

– Олежа, ну что мы сидим? Я тебя не узнаю. Наливай!

Мы гуляли от души. Мы стали чемпионами, и осознание этого кружило нам голову. Приятно чувствовать себя лучшим, а еще приятнее, когда кто–то считает лучшим тебя. Особенно, если этот кто–то тебе нравится. Этакая тщеславная идиллия.

Был уже поздний вечер, и многие, подобно Сане, сославшись на важные дела, уходили домой. Но никому не удавалось уйти от нетерпящего отказа предложения Олега выпить «на посошок». И мы как провожающие и продолжающие бы-

ли уже изрядно пьяны. Миша с Олегом выбирали музыкальные диски и спорили о том, что поставить сейчас. Один говорил, что Круг уже надоел и пора включать Розенбаума, а другой бил себя в грудь со словами, что Круг – это Круг, и надоест он не может. Я же сидел в приятной компании из трех девушек и болтал без умолку:

– ...был ансамбль из трех человек. Три гитары. Один играл аккомпанемент, другой – вторую партию, а третий – соло. Как вы думаете, кто постоянно солировал?... Правильно, конечно, я. Мы выступали на различных конкурсах и концертах в музыкальной школе.

– О, так у тебя есть музыкальное образование? – спросила Рита.

– Нет, музыкалку я не закончил – бросил. Год недоучился.

– Почему бросил? Всего год же оставался.

– Я и так всему научился, уже был лучшим. Меня даже учителя в пример другим ставили. Смысл целый год ходить, время тратить.

– Ой, какие мы скро–о–омные! – тонким голосом протянула Ира. – Прямо так всему и научился!

– Всему!

– А ты докажи.

– Легко! Могу сыграть сложный гитарный романс. Очень красивый! Не все профи за него берутся.

– Пойдем только в другую комнату, а то от этих меломанов уже уши вянут, – Ира показала глазами в сторону Миши с

Олегом, – кричат громче мафона!

Взяв гитару, мы всей компанией пошли в соседнюю комнату, которая, видимо, являлась комнатой Олега. Я уселся на кровать и стал настраивать гитару – пара струн фальшивили. Ира присела рядом, а Машка с Риткой расположились на стульях напротив. Повисло какое-то странное молчание, которое прервала Ира:

– Ну, и где твой романс? «Могу, могу», а сам как до дела дошло, сидит и пальцами че-то ковыряет. Обманул приличных девушек?

– Готово! – я по-театральному вскинул руку и прошептал: – Начали.

Не сказать, конечно, что этот романс был уж настолько сложный, но зато очень красивый. Я вкладывал душу в каждую ноту, исполнял тревожные вибрато, мелодия лилась плавно, постепенно принимая твердый, напористый характер. Очень душещипательно. Левым боком я ощутил тепло – это Ирка прижалась ко мне, положив голову на плечо. Запах духов и жар ее тела вскружили мне голову, и я продолжил играть еще более вдохновенно.

Боковым зрением я заметил, что Рита встала и как-то резко вышла из комнаты, оставив дверь открытой, а Машка, еще немного посидев, ушла следом, плотно закрыв дверь. Ира тем временем еще ближе прижалась ко мне, а когда я закончил играть, исполнив красивый флажолет, ощутил на щеке ее дыхание. Я повернул голову, и наши губы слились в горя-

чем поцелуе.

Проснулся я один, Иры рядом не было. Остался только запах ее духов и сладостные воспоминания чудесной ночи. Но они быстро развеялись, разбившись о суровую реальность. Что же я наделал? Ведь Саня просил меня... Ни кого-то, а именно меня! Что я теперь ему скажу? Как в глаза-то смотреть?

Я резко поднялся с кровати, но тут же упал обратно. Как башка-то болит. Сколько же мы вчера выпили? Полежав еще немного, я все-таки сделал над собой усилие и встал. Хм, мы вчера даже кровать не расправили. Да уж... Тишина такая. Все еще спят или все уже ушли?

Посмотрев на часы, я понял, что ушли – был уже полдень. Быстро одевшись, я вышел в коридор и услышал звук работающего пылесоса. Он доносился из зала, в котором я увидел Олега. Заметив меня, он выключил пылесос. Даже сквозь похмельный купол я ощутил насколько тяжел его взгляд. Он молча сверлил меня глазами.

– Ну... я пошел... – сумел я выдать из себя.

– Иди.

Одевшись, я вышел в подъезд и даже не стал дожидаться лифта – побежал вниз по ступенькам, только бы подальше от этой квартиры.

Весь день я провел в мрачных раздумьях. Давило похме-

лье, и я отпивался горячим чаем с лимоном. Но основной проблемой, конечно, был мой завтрашний поход в школу. Как мне вести себя с Саней? Извиниться, просить прощения? Но за это разве прощают. Делать вид, что ничего не было и надеяться, что он не узнает? Глупо. Олег всяко расскажет, они же друзья. Друзья. Он и меня считал своим другом. Просил приглядеть за его девушкой.

Ирка. А что хотела она? Ну, что хотела—то понятно — она это получила. А дальше что? Встречаться с ней я не смогу — это получится, что я отбил ее у Сани. А если не встречаться? Тогда выйдет, что я попользовался девушкой друга! Вариантов нет. А еще Маша. Она же все видела. Теперь про нее точно можно забыть. А должно быть хорошая девушка, не то что Ирка. Голова кипела от наполняющих ее мыслей и вопросов, ответы на которые я не знал.

Но как бы я ни боялся, эта встреча состоялась. Ира и Маша были одноклассницы, и так получилось, что, когда их класс стоял возле кабинета в ожидании учителя, я как раз проходил мимо. Сначала я застыл на месте, но потом понял, что так буду выглядеть еще глупее, и пошел к ним. Ирка болтала с незнакомой мне подружкой, а увидев меня, взяла ее под руку и, продолжая болтать, ушла куда—то в другое крыло.

Ладно, фиг с ней, пусть делает что хочет, это не основная проблема. Подойдя ближе, я увидел Машу — она стояла и с любопытством смотрела на меня.

— Ну что, ты, герой—любовник, к Ирке пришел?

– Нет, Маш, послушай, все так странно получилось... Я не хотел... Она первая...

– Ой, да ладно ты! Чего ты передо мной оправдываешься? Получилось и получилось, мне–то что.

– Но как, ты же со мной встречаться хотела... Я ведь тебе нравлюсь...

– Ты мне? – рассмеялась она. – Нет, ну ты, конечно, хороший, но встречаться? С чего ты взял?

– Записка с номером телефона и большой буквой «М». Это ведь ты мне ее написала?

– Что? Записка?! – Маша рассмеялась еще сильнее. – Я что тебе маленькая девочка, любовные записки писать? Ты звонить–то пробовал?

Прозвенел звонок и она, подмигнув мне, зашла в класс. Вконец сбитый с толку, я вышел из школы купить минеральной воды и увидел его. Он стоял за углом. Воротник кожаной куртки был поднят, во рту дымилась сигарета.

– Привет.

– Привет... – повисла долгая пауза, – Саня, я...

– Я все знаю.

– ...

– Ирка сказала.

– Ирка? Я думал – Олег. Не думал, что она...

– Она сука. Я тоже не думал. Но на нее мне похер, а вот ты... – он глубоко затянулся и, выпустив дым, щелчком отшвырнул сигарету.

Саня с секунду смотрел мне в глаза, а потом развернулся и зашагал прочь. Я еще долго стоял там, не зная, как быть. Я забыл об уроках, о минералке, в голове было пусто, на душе паршиво. Во всем виновата водка, зачем я ее пил.

Придя домой, я начал раскладывать тетради по ящикам стола и увидел ту самую записку. Смятую и забытую. Наверное, минуту я смотрел на нее, а потом решился. В трубке раздался знакомый голос. «М» – это Маргарита.

– Алло, я слушаю.

– Алло, Рита, привет, это Сережа, я...

– Пошел ты.

И раздались короткие гудки.

3.

#####

Я не думал, что можно хотеть в тюрьму в принципе. Но сейчас, сидя в стакане автозэка, вымотанный переездами и долгими допросами, я хотел вернуться туда как можно скорее. Звучит немного странно, но я даже соскучился по своим сокамерникам. И когда только успели породниться?

В сопровождении дубака я шел по темным коридорам, которые сперва показались мне непроходимыми катакомбами, но сейчас я знал, куда идти, и что скрывается за очередным поворотом. Так что эти старые кирпичные стены уже не казались такими страшными. Вот мой этаж, мой проход, моя камера... Наконец-то.

– Здорово, братцы! – сказал я, когда, издав металлический лязг, за мной закрылся «робот».

– Игнат, братишка! Вернулся! – ответила мне камера.

Крепкие рукопожатия, теплые взгляды... домашняя атмосфера.

– Ща чай поставим, – сказал Руся. – Будешь?

– Конечно, будет!

Я стал оглядывать камеру: те же цветные одеяла на полу, тот же дым столбом. Те же громкие разговоры, и те же веселые лица. Вот Руся суетится возле урагана в поисках чая. Ря-

дом на шконке, укрытый пледом, спит Домик. Наверху сидит и ковыряется в зубах таджик со сложно выговариваемым именем. Вот дед, которого все так и звали «дед», спит с раскрытой в руках газетой и еще... и еще... Все те же одиннадцать человек. Ничего здесь не изменилось, как будто и не уезжал.

Я разулся и прошел на пятак.

– Здорово, Большой.

– Здорово! – он пожал мне руку. – Чего веселый такой, освобождают?

– Нет, рад, что приехал, – я больше не воспринимал подобную иронию близко к сердцу.

– Как съездил? Новости хорошие?

– На самом деле нет. Новости далеко не хорошие.

– Вот как. Ну, говори.

– Потерпевший умер.

В камере реально повисло гробовое молчание. Все смотрели на меня.

– Он пролежал полтора месяца в больнице. В коме, – я сглотнул слюну, – он умер, не приходя в сознание.

Раздался ропот, кто-то закашлял, но я не обращал на это внимания, я был серьезен, мое веселое настроение сразу куда-то пропало. Наверное, я только сейчас начал все осознавать.

– Выходит, тебе еще одну статью добавят. Убийство, – сухо констатировал Большой.

– Уже добавили. Но только не убийство, тяжкие телесные повреждения, приведшие к смерти.

– Тот же хер. От пяти до пятнадцати. Еще один особотяж. В моей голове побежали цифры. Страшные цифры. Бегущая строка моей жизни. Я не мог их сосчитать – мой мозг отказывался решать это уравнение и сбрасывал ответ.

– Одна от восьми... другая от пяти... – Большой говорил медленно, и каждая цифра, словно раскаленным клинком, пронзала меня насквозь, – тринадцать строгого режима. И это минимум. Максимум, я думаю, ты сам считаешь.

– Тринадцать лет... – я не знал, что сказать, подобная арифметика не укладывалась в моей голове.

– Держи, братан! – Руслан протянул мне кружку чифира.

А ведь действительно, как будто бы и не уезжал. Границу между днями сглаживала однообразная повседневность, и не будь у нас телевизора или хотя бы календаря, мы бы точно потеряли счет времени. Теперь я понял, зачем узники оставляли зарубки на стенах, обозначая проведенные в неволи дни.

– Руся, а ты сколько уже здесь?

– Я? Щас скажу... Так, а сегодня какое число?

– Двадцать пятое.

– Двадцать пятое... – он наморщил лоб и посмотрел на потолок, – год и месяц выходит.

– Так долго? Но почему?

– Это у ментов спросить надо. Сейчас вообще долго судят. Большой вон уже полторашку сидит, Домик трешку...

Мы стояли возле урагана и ели лапшу быстрого приготовления. Дрянь, конечно, но если добавить туда приправы, лучка, нарезанной мелкими кубиками колбасы, то получится очень недурно. А если еще и майонеза сверху, так вообще сказка. Доев, мы помыли тарелки и закурили.

– Нормальные сиги. Мои любимые!

– Да, ничего такие, – согласился я, – крепкие.

– И по цене нормальные, не то что эти модные – тридцать с лишним рублей пачка! Ну, куда это?

– А помнишь, вы просили у меня пару пачек на общее, это как понять?

– Тюремный общак. Он собирается в каждой порядочной хате. Вот получает кто-нибудь из нас передачу и туда, – Руся показал на картонную коробку под шконкой Большого. – Кладет все, что считает нужным. Основное, конечно, сигареты и чай.

– И? Куда это потом девают?

– В конце каждого месяца отправляем все в тюремный «котел» – хату, где сидит положенец. Там это все подсчитывают и используют на людские нужды.

– Как это? Например.

– Ну смотри... здесь есть транзитный корпус – пересылка. Люди едут из других управ и ждут там этапа на следующую

пересылку. Вот, например, везут его из Владика в Москву, так он десяток таких пересылок проедет, на каждой из которых будет не меньше месяца сидеть. Естественно, у него уже нихера не будет – ни курить, ни заварить. Вот мы нашему брату и помогаем, с общака транзит всегда греют. Транзит – лицо централа.

Руслан выпустил длинную струйку дыма и продолжил:

– Есть еще больничный корпус, там сидят те, кто ждет этапа на областную больницу или те, кого могут вылечить здесь. Туда тоже идет грев. Хоть в чем-то, но мы им помогаем. Транзит и больничка – святые места.

– Благородно.

– Также с общака греют катраны. Пацаны поддерживают воровское, и у них должно быть все, что нужно. Да и вообще, если в любой хате кончатся сигареты или чай, стоит только сказать – и туда пригонят все необходимое.

Я добавил еще одно звено в цепочку познания законов этого мира. При ближайшем рассмотрении этот мир не такой уж и страшный. Скорее наоборот. А может это делается специально – человеку с малых лет путем средств массовой информации, образования, сложившейся формы гражданского воспитания дают понять, что это место ужасное, и все человеческое здесь чуждо. Конечно, это в некоторой степени оправдано – человек должен понимать, что совершать преступления плохо, и всех преступников наказывают, отправляя в это страшное место. Но они освещают лишь одну сто-

рону этого вопроса.

– С Новым годом, братва! – сказал Большой, и мы стали чокаться пластмассовыми и железными кружками, в которых было налито по три глотка чифира.

Каждый из нас сделал по маленькому глоточку и закусил этот крепкий напиток вяленой рыбой. Мне объяснили, что со сладким чифирить нельзя – давление сильно скачет, и на сердце большая нагрузка. А с рыбкой соленькой – самое то! Да, интересно вкусы сочетаются – вязкая горечь крепкого чая и соленый привкус вяленой или копченой рыбы. Я так скоро чайным гурманом стану.

Наши родные и близкие, дай им Бог здоровья, привезли нам много вкусного, Новый год все-таки. Стол ломился от угощений, для его подготовки каждый из нас подключил весь свой кулинарный опыт. Конечно, для классических салатов некоторых продуктов не доставало, но тут на помощь пришла смекалка, которая, как я заметил, в тюрьме работает лучше, чем на воле. Что-то заменили консервами, что-то убрали вовсе. Добавили то, что на первый взгляд вообще не подходит к этим продуктам, поэкспериментировал с приправами и пожалуйста – салат с неизвестным названием, но зато очень приятным вкусом готов. Нарезали сырокопченую колбасу, домашнее сало, сыр, фрукты, а таджик даже умудрился на самодельной конфорке сварганить некое подобие

плова из «быстрого» риса, овощей и говяжьей тушенки.

Покончив с чаем, мы схватили ложки и принялись с аппетитом поглощать приготовленные блюда.

– Ай, да Федя! Молодец! Плов отменный, как настоящий.

– Я не Федя, я Файзуллох!

– Пока выговоришь, язык сломаешь!

– Точно, точно! Федей будешь! – подхватила камера.

На том и порешали. Федя сначала противился – дул губы и громко возмущался, но потом ничего, даже заулыбался, видимо понял, что ничего обидного в «Феде» нет.

Домик, который не пил крепкий чай вообще, сделал один символический глоток и в основном налегал на рыбу.

– Помню, встречал я один Новый год в БУРе, – начал он, – холод собачий, аж пар изо рта идет. Мы там с одним паренком сидели. Хороший паренек, сейчас уже ворует. Так вот, у нас не было ничего: ни чая, ни курить, ни тем более ничего съестного. Хлеба полпайки оставалось с ужина и все. Настроение, как сами понимаете, непраздничное. Разговаривать даже неохота – сидим молчим. Я от скуки встаю и начинаю тусоваться. Тут слышу, что пол в одном месте как–то странно скрипит. Подхожу туда, ногой проверяю – точно, одна доска забита неплотно. А как присмотрелся, вижу – около забитых гвоздей, вокруг самых шляпок, доска покарябана, вся в царапинах. Ну, ясно, что гвозди выдирали. Мы с корешом немного попотели, пол вскрыли, а когда подняли доску, нашли под ней три «шпули» – одна с табаком, две с чаем.

Вот тут праздник и начался! Сразу настроение появилось, и поговорить захотелось, короче, словно тот Новый год отметили. Даже то, что ради чая сожгли мою последнюю рубашку, меня нисколько не расстроило.

– А рубашку–то зачем было жечь? – не понял я.

– Как зачем? Там нет ни чайника, ни кипятивильника, даже розетки нет. Воду кипятили на огне, моя рубашка вместо дров пошла.

– Да ладно, и че нормальный чай получился?

– А почему нет–то? Костром пахнет!

– Ну да, скажешь тоже, – усмехнулся я. – Я одного не могу понять, как он там оказался, чай с табаком?

– Привет из прошлого. Тот, кто сидел до нас в этой камере оставил.

– Зачем под пол–то прятать?

– Чай, сигареты там под запретом были, если мент найдет – отберет, да еще и отдубасит. Вот он и зарыл. А воспользоваться почему–то не успел.

Я посмотрел на тлеющую сигарету, медленно затянулся и долго не выпускал дым из легких. Как же мы все–таки никчемны – начинаем ценить что–то лишь тогда, когда нас этого лишают. Мое праздничное настроение сразу куда–то подевалось, и я, отмахиваясь от предложений «съешь еще вот это», вышел из–за стола и лег на шконку, аппетит пропал тоже.

По телевизору шел какой–то новогодний концерт, очередная вариация «Голубого огонька» – звезды отечественной

эстрады исполняли свои новые и старые популярные песни, в перерывах поздравляя страну и друг друга с Новым годом: широкие объятия, поцелуи в обе щеки, поклоны до земли. Лицемеры. Такая наигранная любезность и благодушие! Это же все читается на лицах, как они этого не видят? Сидят в зале и аплодируют. Ну, ладно, это на камеру, это статисты, могу понять. Но люди перед экраном телевизора, добрая половина этой страны, куда они смотрят? Голубой огонек. Лучше бы просто пели, так хотя бы не врут.

Из этих размышлений меня вывел Большой:

– Игнат, айда сюда!

Сев рядом, я увидел, что он держит в руках зажженную сигарету и пластиковую бутылку.

– План куришь?

– Да, – сказал я после секундной паузы.

– Братва угостила. Хороший говорят, на, держи.

Я взял бутылку, наполненную дымом, с боку которой было небольшое прожженное отверстие.

– Тяни... Да че ты делаешь?! Пробку открути!...

Я закашлялся, из глаз брызнули слезы. Дым был таким крепким и таким тяжелым, что я не мог держать его в легких.

– О–о–о, а говоришь, что куришь. Че первый раз?

– Да не... – выдавил я, вытирая слезы, – план просто хороший.

– Ну да, тувинский! – Большой открутил пробку и быстро вдохнул.

Он не выпускал дым долго, а потом широко открыл рот и медленно выдохнул его большим серым облаком. Как Змей Горыныч. Только голова одна. Я попытался сдержать улыбку, но у меня это получилось плохо, и я прикрыл рот рукой, а изо рта стали вырываться короткие сдавленные смешки. Большой смотрел на меня и улыбался во весь свой широкий рот. Или пасть.

– Во, другое дело! А то ходишь смурной, голову повесил. Отдохнуть хоть маленько надо.

В голове зазвучало что-то похожее на гул. Или не на гул. Слова Большого отдавали эхом. Сидеть стало тяжело.

– Расслабься, иди полежи. Ну, в смысле не полижи, а полежи! – сказал Большой и дико расхохотался.

Я, не очень поняв юмора, на ватных ногах встал и поплелся к себе. Упав на шконку, я поправил под головой мягкую подушку. Как хорошо. Каждая моя мышца, каждый мой мускул расслабился, легкость в теле была такой, что я был готов взлететь. Улыбка отказывалась покидать губы, а под закрытыми веками расцвела красочная палитра. Не знаю, сколько времени я пролежал, наслаждаясь этим волшебным моментом, как вдруг услышал до боли знакомую мелодию. Пульс начал биться быстрее и отчетливей, жар вспыхивал пламенем где-то между животом и сердцем. Каждая строчка, каждое слово песни пробуждали во мне все новые и новые воспоминания. Память рисовала яркие, отрывочные картины и кружила меня в своем водовороте.

«...давай вот так посидим до утра! Не уходи – погоди, мне пора, и если выход один впереди, то почему мы то холод, то жара...»

Время. С начала сотворения этого мира, с момента как мировые часы начали свой ход, оно движется с одинаковой скоростью. Человек не в силах его ускорить, замедлить или остановить. Но человек существо поистине хитроумное, он найдет выход из любой ситуации. У нас есть одно замечательное свойство – восприятие. Оно способно творить чудеса. Оно может день превратить в месяц, а месяц – в годы или наоборот – год покажется нам одним днем.

Праздники, что интересно, тянутся очень медленно. Не единичные дни рождения, а длинные майские или новогодние недели. После двух–трех дней веселья время как будто останавливается – сбивается привычный ритм жизни. Мы, сидя в камере, хоть и не ходили на работу, и праздники мало чем отличались от наших будней, все равно чувствовали, что что–то идет не так. Изменилась однообразная телепрограмма, изменился ставший уже привычным график дежурств надзирателей – здесь обращаешь внимание на все.

Я сидел и щелкал пультом от телевизора, не зная, чем себя занять, и, судя по скучным лицам сокамерников, их настроение мало чем отличалось от моего. Когда я понял, что пошел уже по третьему кругу, то бросил эту пустую затею и

отдал пульт Руслану. После недолгих раздумий я решил почистить и без того чистую раковину.

– Пойду пошоркаю светланку! – сказал я, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

– Сильно не зашаркивай, девка общая, – кисло улыбнувшись, поддержал Домик.

Когда раковина сияла белизной настолько, что на ней уже не было ни единого пятнышка, развода или чего-то еще, что можно было оттереть, я вымыл руки и присел на шконку к деду. Тому самому, кого все так и звали – дед. Одетый в старый заношенный спортивный костюм, небольшого роста, но с большим животом, он лежал, закинув руку за голову, и читал газету. Добродушный старичок. Сломанные, перемотанные синей изолентой очки в толстой оправе дополняли образ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.